

СКАЗКИ
НОВОГО МИРА

Ф. К. КАСТ

ВСАДНИЦА
ВЕТРА

Сказки Нового мира

Филис Кристина Каст

Всадница ветра

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Каст Ф.

Всадница ветра / Ф. Каст — «Издательство АСТ»,
2018 — (Сказки Нового мира)

ISBN 978-5-17-115994-8

Мари, Ник и уцелевшие люди их клана и племени, объединившись в Стаю, отправляются в долгий путь, чтобы найти новые земли и жить там в мире и согласии со своими животными-спутниками. Их подстерегает множество опасностей, главная из которых исходит от страшного человека, называющего себя Богом Смерти, и его приспешников... Тем временем в далеких зеленых степях юная Ривер из народа всадников готовится к ежегодному испытанию — главному событию в ее жизни. Ривер не только заботится о своей лошади, но и тайно опекает дикого жеребца по прозвищу Призрак. Она еще не знает, что свободолюбивому коню с серебристо-белой гривой суждено сыграть важную роль в судьбе людей Табуна и Стаи.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-115994-8

© Каст Ф., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	45
Глава 6	54
Глава 7	60
Глава 8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ф. Каст

Всадница ветра

P. C. Cast

Wind Rider. Tales of a New World

© 2018 by P. C. Cast. All rights reserved

© М. Давыдова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Эту книгу я посвящаю отцу – Могучему Мышу и моему герою.
Писать ее было особенно увлекательно!*

Глава 1

Три года назад – равнины Всадников Ветра – сборное место

Заря дразнила горизонт, нагоняя на небо румянец, когда Ривер тихонько выскользнула из большого шатра, который делила с матерью, двумя тетками, пятью кузинами, тремя младшими сестрами, кобылой ее матери и двумя меринами, которые много лет назад выбрали теток своими Всадницами. Шатер ее матери, Всадницы Старшей кобылы табуна Мадженти, стоял почти в середине спирали, выложенной из каменных монолитов, отмечавших место силы, но особое значение Сборного места ощущалось и без этих древних безмолвных стражей: просторный грот в центре спирали служил свидетельством разрушительной силы солнца, которая сотни лет назад вскрыла землю и навсегда изменила мир. Ривер бросила взгляд на вход в пещеру, пытаясь разглядеть табун жеребят-отъемышей, но увидела лишь тени факелов, хотя до нее доносилось тихое ржание и беспокойный стук копыт.

Ривер с трудом сдержалась, чтобы не заглянуть в пещеру. Закон запрещал Претендентам общаться с молодняком до прибытия лошадей на Сборное место – именно поэтому их прятали в пещере, где обычно размещались целые табуны.

«Сегодня Избрание. Всего через несколько часов произойдет то, о чем я мечтала с тех пор, как научилась мечтать».

От волнения у Ривер закружилась голова. Несмотря на предрассветный полумрак, огромный лагерь уже начинал просыпаться. Она отвернулась от пещеры и торопливо направилась к выходу из лагеря, опустив голову пониже в надежде, что ее не узнают.

– Да пребудет с тобой милость Кобылицы, Ривер! – донесся смутно знакомый голос.

Ривер не остановилась, но помахала в ответ в знак благодарности, ускоряя шаг. Ей хотелось хоть немного побыть наедине с собой перед тем, как начнется день и она окажется в центре внимания.

«Не драматизируй. Далеко не все будут на тебя смотреть – всего лишь весь твой Табун», – саркастично сказала себе Ривер, огибая яркие пурпурные шатры, которые расходились по спирали от шатра ее матери и отмечали границу табуна Мадженти. Ее табуна. Ее жизни. А сегодня – еще и причины ее волнения.

Пурпур сменился оттенками синего, цвета табуна Индиго. Ривер улыбнулась. В отличие от ее табуна, избравшего своим символом один глубокий пурпурный цвет, Всадники Индиго гордились разнообразием создаваемых ими оттенков синего. Это раздражало ее мать, но Ривер считала пестроту Индиго бодрящей и привлекательной.

Стояло раннее утро, и она не остановилась, чтобы полюбоваться богатством оттенков, как сделала бы в иное время, а обошла шатры Индиго стороной. Она повернула налево и перешла на бег, минуя желтые и красные шатры табунов Жонкиль и Киноварь, пока не оказалась у пологого холма, где прерия переходила в редколесье, предвещая близость ручья.

К облегчению Ривер, в этой части быстрого и чистого Жеребьячьего ручья никого не было, и она кинулась по травянистому склону к песчаному берегу. С помощью длинной пурпурной ленты, которую она прихватила из вороха лент, предназначенных для украшения ее волос в этот знаменательный день, она убрала в хвост непослушную черную копну. Затем опустилась коленями в мягкий песок и, зачерпнув прозрачной воды, плеснула себе в лицо. От холода у нее перехватило дыхание: весна только началась, и прерия еще не успела прогреться, чтобы хоть немного смягчить прохладу ручья, берущего начало в горах. Не обращая внимания на немеющие руки, Ривер как следует умылась, а потом сбросила ночную рубашку и, обнаженная, вошла в ручей по пояс, осторожно ступая по гладким камням. Не раздумывая, она погрузилась в воду по самую шею и закрыла глаза.

– Унеси мои тревоги и сомнения. Помоги мне стать той, кем будет гордиться табун Мадженти и мама. Великая Мать-Кобылица и Конь-Отец, пусть сегодня меня сочтут достойной, пусть меня выберут Всадницей.

«Выберут Всадницей...»

Эти слова отдавались в ее душе, пока она сидела в воде, позабыв о холоде.

Судьбоносный день настал, и, если это случится – если ее выберут, – ее жизнь изменится навсегда.

Конечно, если ее *не* выберут, ее жизнь тоже изменится. Да, будут и другие Избрания. По достижении шестнадцати лет каждый ребенок мог участвовать в церемонии трижды – ему давалось три попытки, и те, кого так и не выбрали, оставались полноценными членами табуна. Но они не были Всадниками ветра. Разумеется, все они умели ездить верхом. Но одно дело ездить на лошади, и совсем другое – обладать мысленной, физической и духовной связью с животным, которое выберет *тебя* своим Всадником, другом, спутником на всю жизнь.

С самого детства Ривер наблюдала за узами, связывающие мать с ее прекрасной кобылой, Эхо, и страстно мечтала о такой же невероятной, нерушимой, неописуемой близости. Большую часть своих шестнадцати лет она готовилась к этому дню, а за последний год мечта о спутнике превратилась в одержимость.

– Моему жеребенку необязательно претендовать на статус Старшей кобылы или Жеребца-лидера. Я буду рада любому – милому маленькому мерину, например. Только, *пожалуйста*, пусть я стану одной из них. Пусть меня выберут.

– Ты зря беспокоишься. Ты ведь знаешь, что займешь место матери, а Эхо выбрала ее с первой попытки.

Голос доносился с берега. Ривер медленно повернулась. Он стоял у самой воды и, улыбаясь, держал в руках ее ночную рубашку. Как у него отросли волосы! В мелкие косички были вплетены алые ленточки под цвет короткому жилету, который едва сходил на его мускулистой груди, делая его старше, словно их разница в возрасте составляла не два неполных года, а гораздо больше. Ривер почувствовала неожиданно сильный прилив радости – она и не подозревала, как успела соскучиться.

– Клэйтон! Я тебя не видела. Решила, что ты не приедешь на Избрание. Как здорово, что ты все-таки успел, – хоть ты и подслушивал мои молитвы.

– Я не подслушивал. Я просто пришел, когда ты уже молилась – вслух.

– В следующий раз постараюсь делать это потише. Что ты вообще тут делаешь? – Она лукаво усмехнулась. – Хочешь присоединиться?

Клэйтон фыркнул.

– Ну нет! Я соскучился и пошел тебя искать, но мыться я предпочитаю как цивилизованные люди: в лохани с нагретой водой, а еще лучше – в горячем источнике.

– Все такой же ребенок. – Ривер насмешливо изогнула полные губы в улыбке.

– Все такая же оторва, – парировал Клэйтон. – Выходи, пока не посинела, а то придется проситься в табун Индиго. И вообще, у меня для тебя подарок на удачу – хотя вряд ли она тебе понадобится.

– Подарок? – не думая о смущении или соблазнении, Ривер встала и выбралась на берег. Клэйтон подал ей ночную рубашку. Она вытерлась подолом и подняла глаза на друга. – Ты стал высоким.

– *Еще* выше, – поправил он.

– И *еще* самодовольнее?

– Не-а. Вот уж чего, а самодовольства во мне ровно столько же, – ухмыльнулся он.

Она надела рубашку и окинула его внимательным взглядом.

– И выглядишь сильнее. Смотри-ка, мышцы накачал. Похоже, табун Киноварь всю зиму держал вас с Бардом в черном теле. Кстати, где он?

Ривер заглянула Клэйтону за плечо, ища трехлетку в тени, что стелилась по траве под раскидистыми дубами, растущими вдоль Жеребьячьего ручья.

– Мать взялась переплетать ему гриву и хвост. Хочет заменить красные ленточки на то, что она называет «правильным цветом».

– Пурпурные, разумеется.

– Как же иначе?

– А этого она не заметила? – Ривер подергала за одну из алых лент в его волосах. – И этого? – Она постучала пальцем по кроваво-красному жилету. Вблизи она увидела, что на жилете нитью из гнедого конского волоса вышиты крошечные лошади, вставшие на дыбы.

– Заметила. Она велела снять ленты и надеть приличный жилет, а потом прогнала меня и принялась ворковать над Бардом, рассказывая ему, что соскучилась и что давно пора заплести его *как следует*.

– Ха. Хочешь узнать, что такое настоящее воркование? Посмотри, как все носятся с Эхо. – Она тихо засмеялась и закатила глаза.

Но Клэйтон ее не поддержал, а, напротив, резко посерьезнел.

– В этом нет ничего удивительного. Она Старшая кобыла, самая мудрая, сильная, ладная и красивая лошадь в табуне Мадженти – а многие считают, что и во всех пяти Великих табунах.

Плечи Ривер поникли.

– Ты прав. Прости. Я вовсе не хотела язвить про Эхо. Она прекрасна, и я люблю ее так же, как люблю маму.

– Тогда про кого ты хотела съязвить?

На его вопрос она ответила двумя.

– Клэйтон, ты мог бы сказать, что Эхо – продолжение моей матери? Что мама – отражение достоинств Эхо?

Он ответил не задумываясь:

– Да. И любой в нашем табуне и в других скажет тебе то же самое.

– Я тоже так думаю. Но я боюсь, что про меня такого не скажешь.

– Чего именно?

– Что я – отражение ее достоинств. – Она посмотрела ему в глаза. – Я не хочу подвести маму и Табун.

– Ты их не подведешь. Ты не можешь их подвести. Или за те шесть месяцев, что мы не виделись, ты настолько изменилась? – Он вопросительно изогнул бровь.

Ривер ощетинулась.

– Я – это я.

– Тогда ты прирожденная Всадница – лучшая из всех, кого я знаю. И не забивай себе голову тем, что говорят люди. Ты ведь знаешь, что жеребята чувствуют тревогу. Просто будь собой – и будь готова принять любую лошадь, которая подойдет к тебе сегодня, только и всего.

– «Только и всего»? – Ривер закатила глаза.

– Ну, почти. Если тебя выберут, на тебя лягут ожидания Табуна, особенно если это будет кобыла. А если не выберут, на тебя все равно лягут ожидания Табуна, потому что всех будут мучить мысли о том, кто тогда станет Всадницей следующей Старшей кобылы... – Он усмехнулся. – Ну вот. Полегчало?

– Нет.

Они обменялись улыбками, и Клэйтон развел руки.

– Иди сюда, беспокойная душа. Я соскучился.

Ривер шагнула вперед. Такое странное и одновременно такое знакомое ощущение! Он крепко сжал ее в объятиях, и она прильнула к нему. А потом отступила на шаг и подняла на него глаза.

– Я надеялся, что ты тоже по мне скучала, – сказал он.

– Еще как!

По его глазам она поняла, что он хочет сказать что-то еще, и затаила дыхание в надежде, что он не испортит момент воссоединения неловкостью. К счастью, этого не произошло. Вместо этого он сунул руку в карман и достал какой-то предмет.

– Это тебе.

Она протянула руку, и Клэйтон уронил ей в ладонь кристалл. Он лег так, словно был выточен специально для нее – длинный осколок поблескивающего кварца. Он был теплым от прикосновения Клэйтона, но, коснувшись ее кожи, нагрелся еще сильнее, почуяв кровь Видящей табуна Мадженти, которая текла по ее венам. Ривер чувствовала кристалл – чувствовала его дремлющую силу – и, хотя она даже не была Всадницей, камень начал пробуждаться и настраиваться на нее, успокаивая лихорадочные мысли, которые осаждали ее уже два дня, с момента их приезда на Сборное место.

Она невольно замедлила дыхание и расслабила плечи, которые впервые за много дней перестали гореть от напряжения. Ривер открыла рот, чтобы поблагодарить Клэйтона за невероятный подарок, но вместо слов благодарности у нее вырвался испуганный вздох, когда луч нежного утреннего солнца упал на граненую поверхность кристалла, и она увидела, что у него внутри.

– Клэйтон! Это же дух!

– Смотри внимательней. Это не просто дух.

Ривер подняла кристалл повыше, прищурилась... и потрясенно распахнула глаза.

– О Мать-Кобылица! Аметистовый дух! Клэйтон, я не могу его принять. Это слишком ценный подарок.

Клэйтон мягко сжал ее пальцы вокруг кристалла.

– Только не для меня. Для меня это просто красивый кристалл. Разбудить его способна только Всадница табуна Мадженти.

– Ты мог бы его на что-нибудь обменять! Да хоть на отдельный шатер! Я серьезно, Клэйтон. Забери его.

– Боюсь, уже поздно. Ты выглядишь спокойной – или, по крайней мере, выглядела, пока не заметила духа. Кристалл пробудился в твоих руках, так ведь?

Ривер не удержалась. Она разжала ладонь и посмотрела на поблескивающий подарок. В кристалле эхом пульсировало ее собственное сердцебиение.

– Ну что? Он пробудился? – повторил Клэйтон.

– Да. – Она не могла отвести глаз от камня. – Он явно пробудился.

– Я так и знал! Ты не только преемница своей матери. Ты еще и Видящая!

Ее взгляд метнулся от кристалла к нему. Она быстро огляделась.

– Тише! Мы не узнаем этого наверняка, пока меня не выберут. Ты ведь знаешь: если кто-нибудь услышит от нас такие слова, скажут, что мы самоуверенные выскочки.

– Но это правда. Ты держишь в руке доказательство.

– Я держу в руке невероятно редкий и могущественный кристалл, который распознал меня и мою кровь, вот и все.

– Кровь, которая течет в жилах могущественных Видящих, – добавил Клэйтон. – Ты знаешь, какими свойствами обладает аметистовый дух? Когда я нашел его, то решил никого спрашивать. Я даже не понял толком, что у меня в руках, но знал, что это дух, и этого хватило, чтобы держать язык за зубами.

Взгляд Ривер вернулся к теплому кристаллу, который пульсировал на ее открытой ладони.

– Аметистовый дух показывает Видящим истоки каждого жизненного цикла.

– Ого. Гм... и что это значит?

– Это значит, что с помощью этого кристалла можно увидеть, какие уроки человеку предначертано усвоить в каждом жизненном цикле. Зная это, Видящая может помочь этому человеку понять, чего он или она должны достигнуть. – Оторвавшись от кристалла, Ривер заглянула в темные глаза Клэйтона. – Например, если бы ты страдал от тоски – *настоящей* тоски, а не легкой хандры, – Видящая могла бы попросить духа заглянуть в твои жизни и выяснить, чего не хватает твоей душе в этом жизненном цикле.

Клэйтон кивнул.

– В табуне Киноварь была одна девушка – в точности как ты описала. Очень, очень грустная. Она со своей кобылой спрыгнула со скалы – *сознательно*. И никто не смог их остановить. Думаешь, этот кристалл мог бы ее спасти?

– В руках Видящей – да, скорее всего. Не вини себя. Ты не мог этого знать.

– Это случилось до того, как я нашел кристалл. Но я рад, что теперь я об этом знаю. И еще я рад, что нашел его и теперь он в твоих руках. – Клэйтон взял ее руку и медленно, с нажимом провел большим пальцем по коже ее запястья. – Используй его, чтобы помогать другим, Видящая.

– Я не Видящая, – возразила она машинально, хотя чувствовала, как кристалл вторит ее сердцебиению.

– Пока. Посмотрим, что принесет сегодняшний день. По крайней мере, кристалл помог тебе немного успокоиться.

– Совсем не немного, – сказала Ривер. Поддавшись порыву, она встала на цыпочки, обняла его и легко поцеловала в щеку. – Спасибо! Это чудесный подарок.

Она подалась назад, но он мягко взял ее лицо в ладони.

– Ривер, пока я был в отъезде, я думал о тебе каждый день.

– Каждый день на протяжении шести месяцев – это очень много. Думаю, ты преувеличиваешь.

– Я не преувеличиваю и не шучу. Я докажу тебе серьезность своих намерений, дай только шанс.

Ривер медленно отступила, вынуждая Клэйтона ее отпустить.

– Клэйтон, сейчас я могу думать только об Избрании.

– Ты *всегда* только о нем и думаешь.

Она не отвела взгляда.

– Ты прав. Сколько я себя помню, стать Всадницей ветра было главной целью моей жизни.

– Но когда тебя выберут...

– *Если*, – поправила она. – Никто не может предсказать результат Избрания.

– Хорошо. *Если* тебя сегодня выберут, у тебя появится время на что-то еще?

– Я не знаю, – сказала она честно. – Я еще не думала о том, что будет после Избрания.

Клэйтон глубоко вздохнул и порывисто выпалил:

– Скажи, я привлекаю тебя хоть немного, или ты предпочтешь быть с другим – мужчиной или, может, женщиной?

В голосе Клэйтона не было желчи. Табун воспринимал сексуальность как нечто меняющееся, и никто не смотрел косо на женщин, которые любят женщин, и мужчин, которые любят мужчин, – и даже женщин, которые решают жить как мужчины, и мужчин, которые предпочитают жить как женщины. Эксперименты считались естественными, и позволительно было все, что происходило с обоюдного согласия.

Ривер не стала ничего утаивать:

– Я думаю, что у тебя приятная внешность. Ты умный и веселый, и мы были друзьями с самого детства. Но я не испытываю к тебе влечения. Я уже говорила об этом раньше – и не раз. Я не испытываю влечения ни к кому. Я просто хочу, чтобы меня выбрали, хочу стать Всадницей ветра и, если получится, Видящей. Вот что для меня важнее всего. Ты меня понимаешь?

Клэйтон застыл. Он скрестил руки на груди и отступил на шаг. Выражение его лица из умоляющего стало плоским, лишенным эмоций. В его приятном голосе прорезалась язвительность.

– Я правильно понимаю, что ты не испытываешь влечения ни к кому? Ерунда. Ривер, тебе шестнадцать. Мне восемнадцать. Все в нашем возрасте – все, с кем мы росли, и все наши ровесники из других табунов, – влюбляются в друг друга напропалую и только об этом и думают. Поэтому – нет, я *не* понимаю, что с тобой творится. Но это не отменяет того, что я беспокоюсь о тебе – беспокоюсь больше, чем друг. И я бы хотел, чтобы ты дала нам шанс. – Он вздохнул и взъерошил свои волосы. – Я бы пожелал тебе удачи, но сегодня она тебе не понадобится. Твой жеребенок найдет тебя, и тогда, возможно, у тебя появится время на жизнь – на любовь и возлюбленного.

Сказав это, Клэйтон развернулся и зашагал прочь.

Ривер постояла на месте, крепко сжимая кристалл в руке, пока он замедлял ее сердцебиение и успокаивал взбунтовавшийся желудок. Затем она по своим следам зашагала назад по склону.

«Я не позволю его словам меня ранить. Он не заставит меня чувствовать себя неправильной. Не сегодня».

С вершины холма Ривер любовалась рассыпавшимися по Высокотравью шатрами. Над горизонтом показалось солнце. Жирное, цвета спелого персика, оно окрашивало Сборное место золотом.

В гигантских гранитных монолитах, добытых их предками много веков назад в Скалистых горах, виднелись вкрапления кристаллов, которые дивно искрились под утренним солнцем. Камни ровной спиралью окружали расселину, которая образовалась во время землетрясения, расколовшего прерию много поколений назад, когда взорвалось солнце. Табуны разбили лагерь вдоль каменной спирали, превратив прерию в яркое лоскутное одеяло.

Прежде всего в глаза Ривер бросился табун Мадженти. Его пурпурные шатры и длинное, раздвоенное знамя с эмблемой из кристаллов, которое лениво трепыхалось на утреннем ветру, сверкали и притягивали взгляд, как огонь притягивает мотыльков. Ривер любила свой табун и гордилась тем, что лишь среди Всадников Мадженти рождались Видящие – те, кто умел пробуждать кристаллы и дремлющие в них свойства.

«Со мной все нормально! Табун меня принимает. Мама ни разу не выражала недовольства тем, что я не выбрала себе пару и не болтаю с утра до ночи о том, как мне хочется чьего-то внимания. Мы никогда об этом даже не говорили. Да и друзья не настаивают на откровениях. По крайней мере, в последнее время».

Вот только есть ли у нее друзья? Или они прекратили дразнить и расспрашивать ее, потому что она сама отдалилась от них, особенно за последний год?

Ривер вцепилась в кристалл и обратилась к глубинным свойствам кварца, чтобы успокоить беспорядочные мысли, вызванные словами Клэйтона. Она задышала медленнее и глубже. Громкое приветственное ржание переключило ее внимание с моря пурпура на изумрудно-зеленые шатры табуна Виридий и их знамя с силуэтом бегущего жеребца – табун Виридий славился самыми быстрыми в прерии лошадьми. Ривер увидела, как к женщине, одетой во все зеленое, играющей походкой приближается конь. Женщина обняла своего спутника, и он слегка согнул колени – в знак не покорности, но любви, – чтобы ей было проще запрыгнуть на его широкую спину. Едва она села, великолепный конь мотнул головой и, погарцевав на месте, лягнул воздух задними копытами. Ривер могла бы поклясться, что услышала радостный смех Всадницы, прежде чем она исчезла среди шатров и других лошадей и Всадников, которые уже начали просыпаться.

«Вот бы меня выбрал жеребчик – когда-нибудь он станет таким же красивым конем». Ривер была бы ему рада и все же мечтала о другом.

Ее взгляд скользнул от зеленых шатров к табуну Жонкиль и его солнечным ярко-желтым палаткам. Их знамя различить издали было проще всего: темный контур величественного бизона символизировал великолепных охотников табуна.

С табуном Жонкиль соседствовал табун Киноварь – кроваво-красные шатры и знамя с черным копьём. От скованных льдом озер на далеком севере до солоноватых вод побережья Южного моря, от берегов Могучей Мисси – реки, служившей границей прерии на востоке, – и до подножия Скалистых гор на западе, где табуны находились сейчас, – со всех уголков бескрайней прерии юноши и девушки из разных табунов шли в табун Киноварь, чтобы пройти обучение у его непревзойденных воинов.

«Мог ли Клэйтон уйти к ним из-за меня? Из-за того, что я его отвергла?» Она не задумывалась об этом раньше и быстро отбросила эту мысль сейчас. *«Если я – причина его ухода, это его проблема, а не моя. Я ничего ему не обещала. Я никому ничего не обещала!»*

Ривер сжала кристалл в кулаке, и от его тепла гнев, наполнявший ее холодом и пустотой, отступил.

Успокоившись, Ривер перевела взгляд на красивые синие шатры табуна Индиго. У каждого из них был свой неповторимый оттенок, и издали они напоминали водную поверхность, на которой играют лучи солнца. Сейчас их знамя было нежно-голубого цвета летнего неба, на фоне которого четко вырисовывалось сложное плетение, символизирующее познания табуна Индиго в искусстве врачевания.

Каждый из пяти Великих табунов был уникальной частью единого целого. Разные по природе, они полагались друг на друга: торговали, скрещивали кровные линии лошадей, находили себе пары – они были едины, но каждый шел своим путем.

«Почему я такая белая ворона? Неужели для того, чтобы быть частью Табуна, нужно непременно связать себя с другим человеком?»

Этот вопрос мучил Ривер с тех пор, как у них с подругами начала развиваться грудь и появились лунные кровотечения. Эти перемены повлияли на Ривер физически, но, в отличие от других девушек, внутренне она не изменилась – по крайней мере, не слишком сильно.

Ривер желала одного: быть избранной. Она хотела стать Всадницей, которой будут гордиться ее мать и Табун. Другие девушки? Они продолжали выполнять возложенные на них обязанности, но, если прежде они вместе играли во Всадников ветра и мечтали о том, как будут рассекать Высокотравье верхом и вести табун Мадженти к процветанию, то теперь на уме у ее подруг было одно: поскорее покончить с обязанностями и начать прихорашиваться и заигрывать с мальчиками, которых еще недавно считали слишком глупыми и незрелыми.

Ривер считала, что они выставляют себя на посмешище, позволяя похоти управлять своей жизнью. Она вздохнула. Если уж быть честной с собой, придется признать, что, по их мнению, на посмешище себя выставляет она – тем, что не испытывает ни к кому влечения.

Разумеется, она экспериментировала. Она позволила Клэйтону себя поцеловать – и даже несколько раз – до того, как он ушел учиться воинскому искусству в табун Киноварь. Целоваться было неплохо. Не восхитительно. Не отвратительно. Просто неплохо. И тут определенно не о чем было шептаться и хихикать.

Еще Ривер целовалась с Гретхен, одной из подруг детства, которую привлекали и юноши, и девушки. Ей нравилась мягкость Гретхен и ее красота, но поцелуи – поцелуи были просто неплохи.

– Не понимаю, откуда столько разговоров. Ни один поцелуй не вызывает во мне того трепета, который наполняет разум, тело и душу, когда я вижу лошадей Табуна. И что с того? Почему моим друзьям и Клэйтону так тяжело это понять? – спросила Ривер у воздуха, который с каждой минутой становился теплее, пока она разглядывала Сборное место, любясь объединенной мощью пяти табунов.

Она вздрогнула, заметив, как светло стало вокруг и как оживилась прерия внизу, и торопливо спустилась по склону, а потом помчалась к пурпурным шатрам табуна Мадженти.

* * *

– Не дергайся, я почти закончила, – укорила мать, когда Ривер заерзала на месте.

– Мама, я прекрасно выгляжу. У меня и без того слишком много лент в волосах. Мы опоздаем!

– Лент много не бывает, – заметила тетя Хизер, заглядывая в шатер. – Но Ривер права. Претенденты уже собираются. Табун нас ждет. Пора идти.

– Возьми девочек и идите вперед. Мы с Ривер вас догоним. Им придется подождать всех Старших Всадниц, тем более что дочь одной из них участвует в Избрании, – сказала мать. Казалось, волнение, наполнявшее воздух, совершенно ее не тревожит.

– Мама, пожалуйста. Пойдем. Все мои друзья уже там.

– Последнее, о чем тебе следует беспокоиться сегодня, – это что делают или думают другие. – Мать улыбнулась, смягчая упрек. – Они подождут. Одна из Старших Всадниц табуна Киноварь тоже представляет дочь. Могу поспорить, они тоже еще не явились. – Она отступила на шаг, придирчиво изучая Ривер. – Ты почти идеальна.

– Мама! *Почти*? – Ривер замолчала, борясь с желанием взвыть и выскочить из шатра.

– Да, почти. И я знаю, как сделать тебя совершенно идеальной.

Мать подошла к деревянному дорожному сундуку, служившему им столом. Она сняла прикрывавшую его пурпурную ткань и, откинув крышку, быстро достала что-то из внутреннего отделения. Затем она выпрямилась и вернулась к сторающей от нетерпения старшей дочери, держа на вытянутых руках сверкающее ожерелье.

– *Вот* что сделает тебя совершенно идеальной.

– Это же ожерелье бабушки! Я думала, его погребли вместе с ней.

– Нет. – Мать помолчала, благоговейно поглаживая ожерелье. – Об этом ожерелье она распорядилась особо. Она попросила, чтобы его не отправляли с ней на Иные Равнины. Она хотела, чтобы я отдала его тебе в день Избрания.

– Тебе не кажется, что бабушка имела в виду: *если* меня выберут? – Ривер сморгнула слезы, глядя на ожерелье, которое не видела пять лет со дня смерти бабушки. Точно таким она его и запомнила. Серебряные бусины, украшенные филигранной резьбой в виде конских голов, чередовались с аметистами цвета весенней сирени, красивее которых Ривер еще не видела. Каждый камень был размером с очищенный грецкий орех, и на их плоских гранях играло солнце.

– Нет. Бабушка сказала именно то, что имела в виду. Она сказала: «Отдай его Ривер в день, когда ее представят в качестве Претендентки, поцелуй ее за меня и передай ей, что я ее люблю». А теперь повернись и дай мне его застегнуть.

Ривер вытерла слезы и повиновалась. Ожерелье приятной тяжестью легло на шею, придавая уверенности. Ривер коснулась двух самых крупных аметистов, свисающих с центральной части ожерелья. Они были гладкими и прохладными, но почти сразу она почувствовала, как они нагреваются, пульсируя в такт ее сердцебиению.

Мать развернула ее к себе лицом и снова осмотрела – на этот раз со слезами на глазах. Затем она подняла повыше отполированный осколок драгоценного стекла и заглянула в него вместе с дочерью.

Ривер коснулась центрального аметиста. Ожерелье бабушки великолепно смотрелось на ее гладкой темной коже. Мать умела мастерски вплетать в волосы дочери ленты, а уж этим утром Дон и вовсе расстаралась, создав из копны черных кудряшек сложное плетение: волосы плотно прилегали к коже головы, а ниже свободно падали на спину, переплетаясь с пурпур-

ными лентами, расшитыми серебристым волосом любимой кобылы матери. Даже Ривер, которая редко задумывалась над тем, как выглядит, вынуждена была признать, что на темной коже ее плеч пурпурные ленты смотрелись потрясающе.

– Это правда я?

Дон смахнула слезу и обняла любимую дочь за плечи.

– Это ты, и ты великолепна. – Она поцеловала Ривер в лоб. – Это от бабушки. – Затем она легко поцеловала дочь в губы. – А это от меня. И помни: я всегда буду тобой гордиться. Я прошу лишь, чтобы ты была добра, справедлива и всегда трудилась на совесть.

– А если меня не вы...

– Нет! – оборвала ее мать. – Мы с тобой говорим не о жеребятках. Мы говорим о моей дочери, которой я горжусь и всегда буду гордиться. Не нервничай. Живи настоящим. Будь открыта. Будь собой. Это все, чего я или любой жеребенок можем от тебя просить.

– Я волнуюсь.

– Я тоже! – Дон нежно коснулась щеки дочери. – Но не потому, что сомневаюсь в исходе сегодняшнего дня. Я не сомневаюсь. Я волнуюсь, потому что сегодня моя старшая дочь станет взрослой. Из-за этого мы с Эхо чувствуем себя ужасно старыми.

Словно по сигналу, Старшая кобыла просунула голову в занавешенный проход и нетерпеливо всхрапнула, раздувая ноздри.

– Я знаю! – Ривер засмеялась и смахнула остатки слез. – Скажи это маме. Она никак не оставит в покое мои волосы.

Мать Ривер подошла к кобыле и погладила ее широкий лоб. Сегодня кобыла выглядела особенно красиво: пурпурные ленты с особым узором вплетены в серебристую гриву, которая изящными волнами ниспадает на белоснежную шкуру – такую светлую, что в Табуне ее часто называли серебряной. Эхо сморщила бархатистый темно-серый нос и прихватила губами плечо своей Всадницы, а потом потянула за край ее праздничной пурпурной туники.

– Ладно, ладно! Мы готовы! – засмеялась Дон.

Ривер вышла за матерью, и при виде опустевших шатров у нее засосало под ложечкой.

– Не волнуйся так, моя драгоценная. Помни, кто ты и кого представляешь. Иди с высоко поднятой головой. В тебе течет кровь знаменитого рода Старших Всадниц – этого никто не может отрицать.

– Я буду об этом помнить, – серьезно кивнула Ривер и, как могла, постаралась успокоиться.

– Эхо, красавица моя, давай покажем табунам, как представляют дочь Старшей Всадницы Мадженти.

Эхо опустилась на колени, и Дон повернулась к дочери.

– Садись.

Она указала на серебристую кобылу.

– Но... гм... разве ты не...

Ривер во все глаза уставилась на великолепное животное. На Эхо редко ездил кто-то, кроме матери, и еще реже такое случалось на глазах у остальных табунов.

– О, я буду рядом. Но сегодня твой день, и мы с Эхо хотим выказать тебе уважение.

– Спасибо, мама. Спасибо, Эхо. Я – я надеюсь, что я вас не подведу.

Эхо всхрапнула и хлестнула хвостом.

– Согласна, – сказала мать. – У нас с Эхо нет времени на подобные страхи. Помни, дочь: от тебя не требуется ничего невозможного. Будь собой. Все остальное – лишь дополнительные дары Великой Матери-Кобылицы. А теперь поспеши, не то опоздаешь! – закончила она с лукавой улыбкой.

– Вот именно, – пробурчала Ривер. Она подошла к Эхо, взялась за сияющую белую гриву, украшенную пурпурными лентами, и с легкостью запрыгнула на лошадь.

Эхо выпрямилась, и мать встала у ее головы. Как только Дон двинулась с места, Эхо последовала за ней. С высоко поднятыми головами Старшая кобыла табуна Мадженти и ее Всадница шагали вперед, излучая красоту и силу. Ривер инстинктивно выпрямила спину, слегка сжимая бедрами бока кобылы. Она знала, что ее обнаженная темная кожа составляет поразительный контраст с серебристо-белой шкурой Эхо. Даже шагала Эхо удивительно грациозно, и сердце Ривер наполнилось гордостью, когда они приблизились ко входу в огромный Амфитеатр Выбора и остановились в воротах. Тут их заметила одна из теток Ривер.

– Это Ривер на Эхо! Табун Мадженти!

– Табун Мадженти!

– Ривер на нашей Эхо! Табун Мадженти!

Приветственные возгласы зазвучали со всех сторон, и Эхо, выгнув шею, заплясала на месте.

– Иди, красавица. Отведи Ривер на место, – сказала Дон, поглаживая Эхо по шее. Она подняла на дочь сияющие гордостью глаза. – Держись крепче. Эхо любит покрасоваться. Сиди прямо, чтобы все табуны видели, как мы с ней тобой гордимся. Мы с Эхо желаем тебе милости Кобылицы, Ривер.

Ривер начала было благодарить мать, но Эхо решила, что ей надоело ждать. Задрвав хвост, изящная кобыла выскочила на ровный луг и галопом понеслась по кругу, образованному Претендентами, под приветственные крики табуна Мадженти и членов других табунов. Ривер казалось, что она летит. Она видела, что ряды каменных скамеек, которые поднимались от центра амфитеатра, были заполнены празднично одетыми людьми, украсившими себя лентами, бусинами и ожерельями цвета своего табуна. По дальнему периметру амфитеатра стояли, насторожив уши, лошади, ожидая начала церемонии с таким радостным предвкушением, что Ривер чувствовала его сладость на языке.

Эхо остановилась рядом с группой Претендентов в цветах Мадженти, и Ривер быстро спешилась, обняла серебристую кобылу и заняла свое место рядом с остальными членами Табуна.

– Наконец-то! Мы уж думали, что-то случилось и ты все пропустишь. – Скай подвинулась, освобождая место для Ривер.

– Маме нужно было убедиться, что все идеально. А дочь Старшей Всадницы из Киновари уже здесь?

– Да. Ты последняя.

Ривер кивнула, но ничего не сказала. Решение приняла ее мать, но объяснять это Скай было бессмысленно. Вместо этого Ривер оглядела огромный круг Претендентов. Представители разных табунов – пурпурные, синие, красные, желтые и зеленые – жались друг к другу и не слишком успешно пытались скрыть волнение... а то и ужас.

Ривер повернулась к Скай.

– Да пребудет с тобой милость Кобылицы.

– Э-э... спасибо. И с тобой тоже, – не слишком искренне отозвалась Скай.

Ривер невозмутимо повернулась к юноше слева от себя. Это был кузен Клэйтона, Рекс.

– Да пребудет с тобой милость Кобылицы, Рекс.

– Спасибо, Ривер. – Он смахнул со лба пот. – Скорее бы все закончилось. Это ожидание просто невыносимо. Знаешь итоги подсчета?

– Нет.

– Сто двадцать девять Претендентов и всего *девяносто девять* жеребят. Это значит, что *тридцать* человек не станут Всадниками, – с несчастным видом сказал он, снова утирая пот.

– Всего *девяносто девять* жеребят? В последний раз их, кажется, было сто пять или вроде того. Что случилось?

Она задала этот вопрос вслух, но в действительности единственным человеком, которого она хотела бы спросить про такое несоответствие, была ее мать. *«Почему никто не сказал мне, что несколько жеребят пропало?»*

– Они из табуна Жонкиль. Говорят, по пути сюда несколько жеребят попали в заросли стрельника.

– Стрельника? Какой кошмар! Они живы?

– Да, хвала Матери-Кобылице, но они слишком слабы, чтобы принимать участие в Избрании. Через несколько недель табун Жонкиль устроит особое собрание для Претендентов, которых сегодня не выберут. Странно, что ты про это не слышала.

– С тех пор, как мы разбили здесь лагерь, я много времени проводила в одиночестве – ну, знаешь, медитировала, готовилась. Видимо, никто не подумал...

Она осеклась: на поле Амфитеатра Выбора неторопливо вышла старая кобыла. Всадница была такой же старой и седой, как лошадь, – и такой же узнаваемой. Моргана была старейшим членом Совета Кобылицы. Поговаривали, что ее лошадь, Рамота – самая старая кобыла во всех пяти табунах. Никто не знал, сколько лет минуло кобыле и ее Всаднице, но об их мудрости ходили легенды.

На Всаднице и кобыле были ленты всех пяти табунов в знак того, что они входят в Совет. Претенденты почтительно поклонились. Старуха подняла руку, и толпа затихла.

– Претенденты! Рассредоточьтесь по полю на расстояние вытянутой руки друг от друга! – Как только по амфитеатру разнесся глубокий и сильный голос Морганы, Ривер и остальные сто двадцать восемь Претендентов развели руки и зашевелились, расширяя круг. – Хорошо. Теперь садитесь! – Претенденты уселись, скрестив ноги. Старейшина воздела руки к небу и произнесла традиционное благословение: – Великая Мать-Кобылица и Конь-Отец, мы просим вас указать жеребят Всадников, предназначенных им судьбой, и сделать это с радостью, любовью и мудростью. Слово сказано!

– Слово сказано! – прокатилось по трибунам эхо.

– Мы начинаем. Претенденты, да пребудет с вами милость Кобылицы. *Выпустить жеребят!*

Ривер судорожно втянула воздух; рука машинально потянулась к аметисту на ожерелье бабушки. *«Я спокойна. Я собрана. Мои мысли чисты, и я готова к тому, что сейчас произойдет».*

Земля задрожала от знакомого топота копыт, заглушающего стук скачущего сердца Ривер. Все глаза обратились ко входу в Амфитеатр – и тут на поле волной хлынули жеребята. Претенденты сидели ровно, боясь пошевелиться, а молодняк, обежав их по кругу, остановился, сбившись в кучу в центре поля.

Ривер устала на них, не в силах сдержать восторг. Как же они прекрасны! Перед ними были лучшие жеребята каждого табуна. Рожденные прошлой весной, год назад, выращенные в заботе и ласке. Целый год они оставались с матерями и были отлучены от них всего два дня назад. Хотя жеребята понимали, что происходит и что настало время покинуть матерей и начать свой путь во взрослую жизнь, они заметно тревожились.

Ривер их понимала. Им было одиноко – они тосковали по матерям и по вниманию, в котором купались весь год. Но они также знали, что покинут этот круг навсегда связанными со своими Всадниками – и никто из них больше никогда не будет одинок.

Старейшина и ее пожилая кобыла тоже вошли в круг и загарцевали среди жеребят, ласково разговаривая с ними, успокаивая их, готовя к Избранию.

Взгляд Ривер заскользил по жеребяткам в поисках молодняка Мадженти. Табун Мадженти был одним из самых крупных: пять кочевых ветвей, включающих несколько сот человек и примерно в половину меньше лошадей в каждой ветви, – и привел на Сборное место тридцать

жеребят. Пятнадцать из них происходило из ветви Ривер – самой многочисленной, правящей ветви Центрального Мадженти.

Она знала, какого жеребенка ищет, хотя никогда не признавала и не показывала, что у нее есть любимчик, – по крайней мере, на людях.

«Вот он!» Ривер наконец отыскала его – чудесного солового жеребенка, о котором в табуне Мадженти ходило столько разговоров. Первым делом люди, как правило, обращали внимание на его масть: светлая шкура напоминала золото, а грива и хвост сияли идеальной белизной. Он стоял чуть в стороне от остальных, неустанно роя землю копытом. У него не было имени – все жеребята были безымянными до тех пор, пока Всадники не произнесут их имена после Избрания, – поэтому для себя Ривер назвала его Призраком из-за быстроты и способности двигаться почти бесшумно. Он был гораздо крупнее остальных жеребят, но в нем не было типичной долговязости и неуклюжести. В отличие от большинства стригунков, он излучал уверенность в себе. За весь минувший год, что Ривер помогала ухаживать за табуном, каждый день работая с жеребятами, она не видела, чтобы Призрак хоть раз совершил ошибку.

Словно почувствовав на себе ее взгляд, жеребенок повернул голову и посмотрел на Ривер. В его темном глазу она увидела ум и что-то еще – что-то, напоминающее печаль. Но прежде чем Ривер полностью осознала увиденное, старейшина заговорила снова:

– Помните, Претенденты: вы не должны покидать круг, пока последний из жеребят не сделает выбор.

Она развернула лошадь лицом к жеребят. Старая кобыла выгнула шею, мотнула головой и заржала, подавая сигнал, который подхватили все наблюдающие за церемонией лошади: сигнал к Избранию.

Мир Ривер сузился до пяточка земли перед ней. Она глубоко задышала, успокаивая себя, и ее рука скользнула от аметистового ожерелья в карман, где ждал своего часа продолговатый кварц с заключенным в него духом. Сердцебиение замедлилось. Тревога схлынула, ушла в землю и развеялась.

Слева от нее раздался крик. Ривер повернулась и увидела, как маленькая гнедая кобыла резко остановилась перед девушкой с кроваво-красными лентами табуна Киноварь. Лошадь потянулась мордой к девушке, и та, не раздумывая, поднялась на колени, обхватила изящную лошадиную головку и нежно подула ей в бархатный нос, тем самым связывая их на всю жизнь. Табун Киноварь взорвался радостными криками, и новая Всадница встала, обнимая свою спутницу. Затем девушка и лошадь бок о бок покинули круг и присоединились к своему табуну. Крики табуна Киноварь быстро подхватили Индиго и Виридий: жеребята один за другим выбирали своих Всадников.

Ривер казалось, что прошло много времени, хотя позже мать рассказала ей, что вся процедура заняла считанные минуты. Табун жеребят сократился до пары дюжин голов. Сгрудившись в центре круга и насторожив уши, они медленно двигались по часовой стрелке, разглядывая каждого из сидящих Претендентов. Время от времени один из жеребят фыркал, мотал головой и подбегал к Претенденту, и тогда напряженно наблюдающая толпа разражалась очередным радостным криком.

Внезапно соловый жеребенок, которого Ривер прозвала Призраком, встал на дыбы и тонко заржал, вынуждая остальных жеребят расступиться. Он отделился от них и на полной скорости помчался мимо круга Претендентов, разбрасывая траву и землю. Ривер заметила, как справа от нее Скай дернулась с визгом и, отплевываясь, вытерла с лица ком грязи размером с копыто. Ривер хотела было потянуться к ней, чтобы подбодрить, но тут серая в яблоках кобыла, в которой она узнала воспитанницу табуна Мадженти, рысцой приблизилась к Скай с явно расстроенным видом. Она потянулась к ней мордой, и Скай, тут же прекратив отряхиваться, подалась к ней, нежно подула в ее мягкий нос и обняла за шею.

– Со мной все в порядке! Не волнуйся, Скаут. Теперь, когда мы вместе, все будет хорошо! – заворковала она со своим жеребенком.

Но тут потрясенные вскрики из толпы отвлекли внимание Ривер от Скай и Скаут. Соловый жеребенок вел себя все необычнее. Он прекратил скакать по кругу и теперь метался от одного края гигантского амфитеатра к другому, распуская других жеребят, которые бросались перед ним врассыпную. Старейшина и ее кобыла пытались держаться рядом – пытались успокоить его нарастающее смятение, – но все было тщетно. Жеребенок косил глазом и громко, отчаянно ржал – так, словно искал кого-то и не мог найти. А затем он сделал нечто очень странное. Он замедлился, делая еще один круг по амфитеатру. На этот раз он не мчался испуганным галопом. Он неторопливо рысил, внимательно оглядывая каждого из Претендентов. Когда он поравнялся с Ривер, она подняла голову и заглянула в его умные темные глаза.

От того, что она увидела, ее сердце зашло в болью.

Жеребенок плакал. По его золотистой морде струились слезы.

– О, Призрак! Что случилось? Что тебя расстроило? – выпалила Ривер.

Он слегка замедлился, и на секунду Ривер с замирающим сердцем решила, что сейчас он наклонит к ней морду. Но он лишь мотнул головой и, всхрипнув, продолжил обходить Претендентов. Сделав полный круг, он снова замер на месте. Теперь он был на противоположной от Ривер стороне, прямо напротив нее, а поскольку жеребят осталось совсем немного, она четко его видела. Он вскинулся на дыбы и лягнул воздух, будто метил в невидимого врага, после чего сорвался с места и помчался напрямик на Ривер.

От шока Ривер словно приросла к месту. Ей показалось, что из толпы до нее долетел крик матери, но она не могла пошевелиться, хотя знала, что еще немного, и жеребенок ее затопчет.

Но в последний момент он прыгнул, с легкостью перемахнув через Ривер, и, метнувшись к выходу из Амфитеатра Выбора, пропал за воротами.

На поле царил потрясенное молчание: лошади, Претенденты, Всадники и остальные члены табунов смотрели вслед жеребенку. Ривер никогда не слышала, чтобы жеребенок не выбрал себе Всадника, и знала, что никогда еще жеребенок не сбегал с церемонии.

– Он сошел с ума.

– Видимо, с ним что-то не так.

– Выглядел он здоровым, но, похоже, оказался порченным.

Вокруг поднимался ропот. Из всех жеребят не выбирали себе Всадников только больные – или душевно, или, что более вероятно, физически. В отличие от здоровых лошадей, которые проживали долгую насыщенную жизнь, больные животные знали о своих пороках, и, как правило, знали и их матери. Эти невезучие жеребята никогда не участвовали в Избрании. Их держали в табуне, о них заботились – они купались в любви и внимании до самой своей безвременной смерти. Но Призрак был бодрым и здоровым жеребенком.

«Что только что произошло? Он как будто искал своего Всадника, но не смог его найти».

Покусывая губу, Ривер гадала о причинах тоски в глазах Призрака, когда на нее упала тень.

Она подняла глаза.

Перед ней остановилась красивая кобыла. Она была светло-серой – почти белой – с темной гривой с черными и серыми прядями. Ноги у нее тоже были темными, меняясь от белосерого к черному. Она была высокой для стригунка, и Ривер ее не узнала, но по широкому лбу, развитой грудной клетке и длинным стройным ногам поняла, что у нее с Эхо были общие предки.

А еще Ривер ее *чувствовала*. Кобылка дрожала от волнения – и счастья.

– Не бойся, девочка. Все хорошо, – машинально постаралась ее успокоить Ривер.

И тут случилась самая чудесная в жизни Ривер вещь. Жеребенок – прекрасная, умная, абсолютно идеальная девочка – приблизил к ней морду.

Ривер поднялась на колени, осторожно взяла голову кобылы ладонями и нежно подула в ее бархатный нос.

Они вздохнули одновременно, и в этот момент их жизни – их души – их судьбы оказались неразрывно связаны. На Ривер нахлынула эйфория, а в голове у нее пронеслось магическим призывным кличем имя.

– Анджо! Ты моя Анджо!

Ривер встала и, обняв свою спутницу за шею, уткнулась лицом в ее теплую ароматную гриву, а вокруг них торжествующе гремел табун Мадженти.

Глава 2

Настоящее – хребет на границе территории Древесного племени

– Жнецы готовы, Господин. Они ждут лишь захода солнца и твоей команды, – с низким поклоном отвечал Железный Кулак своему предводителю и Богу.

Смерть едва удостоил его взглядом.

– Прекрасно. Вели людям не покидать укрытия до моего сигнала. Я пойду впереди и буду наблюдать.

Бог Смерти зашагал прочь. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы убедиться, что Железный Кулак, Его правая рука и Жнец, которого Он назвал своим Клинком, выполнит приказ. Смерть знал, что тот повинется ему беспрекословно, потому что Железный Кулак прекрасно понимал: неповиновение будет стоить ему жизни.

Смерть подошел к краю хребта, откуда была видна центральная часть леса, принадлежащая Древесному Племеню. В отличие от притаившихся людей, Смерть не скрывался. Он не прятался. Он просто вышел на край хребта и окинул взглядом то, что осталось от сгоревшего и почерневшего города.

– Разрушен, – пробормотал Смерть себе под нос. – Так глупо разрушен. – Он с отвращением покачал головой, и чудовищные тени его рогов заматались по деревьям. – Но ничего. Я верну Городу-на-Деревьях величие, которого достоин город Бога. – Смерть поднял огромный трезубец, вырванный из тела безжизненной статуи, которой прежде поклонялся Его Народ. – Больше Народ не будет поклоняться пустому металлу, – негромко сказал Он. – Теперь они знают, что значит идти за настоящим Богом. Они знают вкус силы. Скоро они узнают вкус победы.

Смерть оглянулся, желая, чтобы солнце скорее скрылось за горизонтом. Он видел, как потемнело небо: ярко-голубое перо сойки сменилось сизым голубиным крылом.

– Голубка... – прорычал Смерть. Он повернулся и зашагал вдоль хребта, поглядывая на темнеющие внизу останки города. – Нужно что-то делать с Голубкой. Похоже, она не вполне понимает, какую роль ей предназначено сыграть в нашем будущем. – Он представил ее гладкое безглазое лицо и безупречную кожу. Да, ее тело станет идеальным сосудом для Богини, особенно когда Великая Мать-Земля, Богиня Жизни, подарит ей глаза. – Но ее поведение недопустимо. – Смерть повел плечами, словно отгоняя назойливых насекомых. – Я слишком многое ей позволял. Ей придется научиться покорности.

Приняв решение, Смерть продолжил не спеша прогуливаться вдоль хребта, высматривая внизу признаки жизни.

Но Его взору открывались лишь руины некогда великого города. Ветер не доносил ни единого звука – ничего, что указывало бы на место обитания сильного процветающего народа. До вершины хребта добирался только запах дыма и смерти.

– Где же ваши дозорные? – поинтересовался Смерть у обугленных деревьев. – Где ваши великие Воины, которые когда-то не позволяли моему Народу покинуть стены отравленного города?

Словно отвечая Богу, впереди вспыхнул свет – такой яркий, что на секунду Он решил, что это солнце.

– Огонь? Неужели Другим удалось поджечь остальную часть леса?

Нутро Бога сжалось в тисках ужаса. Он рассчитывал, что Город-на-Деревьях уцелеет и Он сможет увести Народ из отравленного города в лес, как только они со Жнецами разобьют остатки Других. Смерть зашагал быстрее.

– Нет. Нельзя позволить остаткам города сгореть.

Вскоре Он дошел до места, с которого можно было разглядеть, как почерневшие деревья сменяются нежной зеленью.

– Вот ты где, Племя. Вижу, часть твоего небесного города все же уцелела. – Он присмотрелся, еще не понимая, что происходит.

Другие собрались вокруг древнего дерева за выжженной границей. *Она* стояла в центре толпы из полусотни мужчин, которые что-то гневно выкрикивали. Остальные, казалось, были слишком смяты и слабы и просто лежали на подстилках или на голой земле вместе со своими псами, но эти люди не вызвали у Него интереса. Его внимание привлекла девушка.

Она стояла в центре огненного шара, и огонь был ей нипочем.

Рядом с ней стояли покрытый кровавыми ранами юноша и два крупных пса. Огонь, которым она повелевала, не трогал никого из них.

Воины Других безуспешно пытались пробиться к ней. Они стреляли в нее из луков, но ни одна стрела не преодолела огненной преграды. Стрелы сгорали в полете.

– Кто она? – прошептал Смерть себе под нос.

Тут девушка зашевелилась, и огненный щит начал двигаться вместе с ней. Ускоряя шаг, девушка и ее спутники достигли руин древесного города; взволнованные Другие следовали за ними, хотя из-за жара пламени им приходилось держаться на значительном расстоянии.

Никем не замеченный, Смерть двигался по хребту параллельно ничего не подозревающим людям и заворуженно разглядывал девушку, повелевавшую пламенем.

Дойдя до места, где ждал Железный Кулак, Он резко свистнул. Клинок выскочил Ему навстречу и потрясенно распахнул глаза, заметив, куда смотрит его Бог.

– Что это за колдовство? – спросил он вполголоса.

Смерть улыбнулся.

– То, которое должно мне покориться. Смотри вместе со мной, мой Клинок. Посмотрим, что нам удастся о ней узнать.

– *О ней?* Это колдовство подчиняется женщине?

Смерть на секунду оторвал взгляд от огненной девушки и осуждающе покосился на своего Клинка.

– Никогда не недооценивай женщину лишь потому, что она женщина. Богиня Жизни – женщина, и она единственная в этом мире могущественнее смерти.

– Д-да, Господин, – торопливо закивал Железный Кулак. – Я прошу прощения. Я просто удивлен. Э-э... Господин! Солнце наконец-то село!

Он указал на опустевший горизонт.

– Подожди. – Смерть поднял руку, останавливая Железного Кулака. – Мы не будем сломя голову кидаться в это загадочное пламя, которое... – И тут даже Бог Смерти потерял дар речи: огненное кольцо вокруг девушки зашипело.

Зашипело – но не погасло. Вместо этого девушка – замечательная юная воительница – вскинула руки, словно хотела обнять умирающий огонь. Языки пламени потекли к ней и слились перед ней в пылающий столб. «НИ ЗА ЧТО!» – воскликнула она и сделала метательное движение – и пламя, повторяя ее жест, ринулось вперед и врезалось в землю с ослепительной вспышкой, отрезав девушку и ее спутников от преследователей.

Девушка, окровавленный юноша и три пса кинулись к каналу. Своим орлиным зрением Смерть без труда разглядел, что происходит.

– Она хочет сбежать и присоединиться к тем людям на воде, – понял Бог.

А еще Он понял, что Ему открывается прекрасная возможность захватить Город-на-Деревьях. Смерть повернулся к армии, скрытой на тенистом хребте.

– Железный Кулак, держись рядом.

– Да, Господин. Я всегда рядом, Господин.

Смерть вскинул трезубец над головой и сбросил плащ, чтобы Его массивный силуэт был виден полностью.

– В АТАКУ! – проревел Он.

– Смерть! Смерть! Смерть!

Трезубцы застучали о щиты, отбивая ритм боевого клича, и армия хлынула через край хребта к ничего не подозревающим Другим внизу.

– Сейчас, Господин? – Железный Кулак дрожал от предвкушения.

– За мной! – скомандовал Смерть. Железный Кулак поспешил за своим Богом, шагавшим вдоль хребта, не отрывая глаз от огненной девушки, которая уже сидела в одной из рассеянных по воде маленьких лодочек и быстро работала веслами.

«Тебе от меня не уйти!» – мысленно обратился к ней Смерть, и девушка, подняв глаза, встретила с Ним взглядом. – *Да! Смотри на меня! Узри меня! Я иду за тобой, огненная девушка!»*

Бог вскинул свой гигантский трезубец и заревел в темнеющее небо, подобно оленю во время гона.

Когда лодка скрылась из виду, Смерть повернулся к своему Клинку.

– Плыви за ней. Выясни, куда она направляется. Не возвращайся ко мне, пока не узнаешь, но ты *должен* вернуться.

– Слушаю, Господин!

– Ступай с благословением Смерти, – он возложил руку на склоненную голову Железного Кулака, – и знай, что это поручение ты выполняешь не только ради меня, но и ради моей супруги, Богини Жизни, которая скоро станет твоей Госпожой.

– Да, Господин! Спасибо, Господин! Я тебя не подведу.

– Конечно, нет. Иначе мне придется тебя убить, а мне бы этого не хотелось. – Смерть почувствовал, как Клинок задрожал под Его ладонью. – А теперь иди!

Он подождал, пока Железный Кулак спустит на воду маленькую лодку и отправится вслед за удаляющейся вереницей лодок. Затем Смерть взглянул на резню внизу.

Смерть улыбнулся.

Много Воинов Других уже пало. Еще больше – те, кто не достоин был называться Воинами, – бежали в лес. *«Я найду их и разберусь с ними позже»*, – решил Он. Теперь Он следил за небольшой кучкой Воинов, которые продолжали отбиваться от Его людей.

Они держали оборону на широкой деревянной платформе, выстроенной на древней сосне. Хотя их было немного, стрелы и копья разили Жнецов одного за другим. Смерть раздраженно вздохнул и начал спускаться с холма, но, когда Он подошел ближе, раздражение сменилось весельем: Он узнал Воина, который возглавлял группу бойцов.

– А, Тадеус. Вот мы и встретились.

Смерть не спеша шагал по месту бойни к Тадеусу и кучке его людей. Жнецы, которые в бою почти потеряли человеческий облик, заревели по-звериному, приветствуя Его, и удвоили усилия, с легкостью задушив слабое, но упорное сопротивление.

Проходя мимо измученных Других, Смерть с растущим интересом разглядывал их собак. Он чувствовал связь между псами и их спутниками. Это было похоже на узы, которые связывали Его с Тадеусом.

Похоже – и одновременно не похоже вовсе. Смерть касался связи спутников, пробовал ее на вкус, обрывая одну жизнь за другой, и был поражен яростью и преданностью собак. Кроме маленького отряда Тадеуса серьезное сопротивление Жнецам оказывали псы – огромные овчарки, которые храбро сражались бок о бок со своими людьми, не отступая, даже когда их спутники падали за смертью. На глазах у Смерти разъяренная овчарка, встав над телом своего погибшего спутника, продолжала биться до последнего вздоха.

«Возможно, мне стоит завести пса – самую крупную и свирепую из овчарок. Бог овчарок для Бога Смерти!»

Улыбаясь этой мысли, Он вышел к Тадеусу и его людям.

Он остановился, окинув взглядом поле боя. Воины Тадеуса продолжали поливать врага стрелами, но было понятно, что скоро у них закончатся снаряды, и тогда Жнецы, которые теснились вокруг дерева, по очереди нанося удары, просто задавят их числом.

Смерть нащупал нить, которая связала Его с исполненным гнева Тадеусом, когда тот предпочел власть любви и позволил своему псу умереть. Бог увидел, как Тадеус вздрогнул, словно наступил на горячий уголь, и его стрела, просвистев мимо Жнеца и не причинив ему никакого вреда, воткнулась в высокую сосну. Тадеус огляделся, высматривая кого-то в толпе.

Смерть поднял свой грозный трезубец и, выступив вперед, прогремел:

– ДОВОЛЬНО!

Все живое вокруг замерло: люди, псы, птицы, насекомые – все подчинилось животному инстинкту, услышав голос Смерти.

Не медля, Смерть зашагал к дереву. Один из людей Тадеуса запаниковал и выстрелил в Бога из арбалета. Болт попал в центр Его могучей груди. Посмеиваясь, Смерть отмахнулся от него, как от надоедливого, но безвредного насекомого.

Несколько Жнецов зарычали и кинулись вперед, явно намереваясь взять дерево штурмом.

– Жнецы! Стоять! – приказал Смерть.

Продолжая скалиться и реветь, его люди опустили окровавленные трезубцы; измученные Псобратья попадали на колени или привалились к деревьям, хватая воздух и дрожа от усталости.

– Тадеус! Вели своим Воинам сдаться! – приказал Он, приближаясь к дереву.

Тадеус уставился на Бога, и на его лице явственно проступило потрясение, а за ним – узнавание и страх.

– Отступить! Всем отступить! – завопил Тадеус.

– Очень хорошо. – Смерть поднял глаза на Тадеуса. – Такое начало мне нравится, Тадеус, хотя мы с тобой, конечно, уже встречались.

Смерть видел, как Племя смотрит на Тадеуса. Его Воины переводили взгляд с Тадеуса на Бога и обратно. Не в страхе или гневе, а скорее с любопытством, словно надеясь услышать всю историю.

Остальные члены Племени отреагировали иначе. Вокруг зазвучали встревоженные, непонимающие голоса. Многие уставились на Тадеуса с еще большим отвращением, чем смотрели они на Бога и Жнецов. *«Ага, значит, он еще не взял под контроль все Племя. Я помогу ему, а когда он станет мне не нужен, он отправится вслед за своей собакой и будет принесен в жертву ради общего блага».*

– Тадеус, твои люди слабы. Твой город разрушен. Пора сделать выбор.

На поляне повисла тишина.

– Ты сказал, что мы уже встречались, но ты изменился, Верный Глаз.

– Так и есть, – сказал Смерть. – Верного Глаза больше нет. Он пожертвовал собой, чтобы пробудить меня, Бога Смерти. Почти как твой любимый Одиссей пожертвовал собой, чтобы пробудить в тебе истинного Воина.

– Одиссей умер из-за мутантки-землерики, – процедил Тадеус. Он оскалился и стал так похож на Жнецов, что Племя дружно ахнуло.

– Но ведь мы с тобой знаем правду, не так ли?

Тадеус начал было возражать, но Бог поднял руку, перебивая его.

– Нет. Прибереги ложь и оправдания для других – если выживешь. Сейчас ты должен выбрать. Сложи оружие и стань союзником Смерти – или умри.

Во взгляде Тадеуса появилось хитроватое выражение.

– Союзники не сдаются друг другу.

– Знаешь, Тадеус, будь *ты* богом, ты мог бы устанавливать правила. Но ты не бог. Бог здесь я. И я требую, чтобы мои «союзники» сложили оружие, – непринужденно ответил Смерть.

– Не делайте этого! – закричал один из Псобратьев.

– Племя никогда не сдастся свежевателям! – выкрикнул другой.

Не обращая на них внимания, Смерть устремил взгляд на Тадеуса и заговорил так, словно они и впрямь были давними союзниками:

– Ты попробовал его – настоящее могущество. Только я могу показать тебе, как получить больше. Или же я могу тебя убить. Конечно, кто-то из вас сумеет сбежать, но чего ради? – На его лице появилась свирепая улыбка. – Вы всегда можете отступить в наш город. Меня и моего Народа там не будет. Мы будем здесь – будем отстраивать новый небесный город. *Сделай выбор!* – приказал Смерть голосом, от которого закачались верхушки сосен.

– Древесное Племя! Сложить оружие! – закричал Тадеус.

Арбалеты, болты, ножи и мечи застучали по земле: Племя неохотно повиновалось новому Главе Воинов.

Глава 3

Затянутое облаками небо быстро опустилось на Умбрию, погрузив мир во тьму, невольно представившуюся Мари отблеском тех ужасов, которые они оставили за спиной.

С левого плота у маленькой лодки, в которой сидели Мари, Ник, Ригель и Лару, раздалось поскуливание, и Мари взглянула на большую овчарку.

– Все хорошо, Лару. Я знаю, к этому нужно привыкнуть, но нам предстоит долгий путь, так что устраивайся поудобнее, – сказала она спутнику Ника.

Но Лару заскулил еще отчаяннее, а Ригель только подлил масла в огонь, послав Мари мысленный образ измученного и покрытого кровью Ника.

Мари отложила весло, осторожно пробралась по лодочке к Нику, который, сидя к ней спиной, размеренно рассекал воду веслом. Она нежно коснулась его, и он, удивленно вздрогнув, застонал от боли.

– Мари, тебе придется помогать мне грести – по крайней мере, пока мы не доберемся до дальнего края Фермерского острова и окончательно не войдем в Умбрию, – пропыхтел Ник.

Мари поняла, что рука, которой она его касалась, намочена. Она потеряла пальцы и поднесла их к носу – и правда обрушилась на нее, как кулак.

– Ник, у тебя кровотечение. Сильное.

– Надо выбираться отсюда. У нас еще будет время меня подлатать.

– Ник! Посмотри на меня.

Он неохотно выпрямился и, перестав грести, повернулся на маленькой скамеечке лицом к Мари. Она ощупала его лоб и щеки и ахнула, когда поняла, что все его тело покрывает холодный пот, а кожа липкая и влажная. Руки целительницы быстро и уверенно запорхали по его телу, безошибочно отыскав сочащиеся кровью раны на плече, боку и бедре.

– Ник, ты ранен и теряешь много крови.

– Я знаю, Мари. Но мы и так отстали от остальных. Нужно их догнать.

Мари оглянулась. Ник был прав. Лодка Дэвиса и Джексома только что была всего в паре ярдов от них, но теперь вокруг чернела одна вода. Она всмотрелась в темноту и различила впереди мелкую рябь на воде, оставленную другими лодками.

– Нет, Ник. Так не пойдет. Если ты потеряешь сознание, я никогда не догоню Стаю.

Мари сложила руки рупором и закричала:

– Дэвис! Нику нужна помощь!

– Слышу, Мари! Возвращаемся! – донесся до нее голос Дэвиса.

– Нет, Мари. Не позволяй им возвращаться. Нас может преследовать Племя.

– Джексом продырявил остальные лодки. У нас есть время, – твердо возразила она и накрыла ладонью его руку. – Прекращай грести. От этого усиливается кровотечение.

Вздохнув, Ник бросил весло на деревянный пол лодки. Мари сидела достаточно близко, чтобы почувствовать, как его тело, переставшее расходовать остатки энергии на греблю, охватила дрожь. Оказавшись на воде, Мари перебрала дорожный мешок и надела на себя чистую рубашку. Теперь она начала отрывать от нее лоскуты ткани и перевязывать ими самые серьезные из ран Ника.

– Мари, Ник! Что у вас? – Голос Дэвиса был полон тревоги. Их лодка стукнулась об лодку Мари и Ника, Джексом протянул к ним весло, Мари ухватила за него и подтянула два маленьких деревянных каноэ друг к другу.

– Ник ранен. У него кровотечение. Сильное, – сказала она, не отвлекаясь от перевязки. – Он не сможет грести, пока я его не исцелю.

– Я *могу* грести. Но недолго, – признал Ник.

– Ничего страшного, – сказал Дэвис. – Вот как мы поступим. Мари, вы с Джексом поменяетесь местами. – Ник начал возражать, но Дэвис его перебил: – Это временно, Ник. Стая ушла недалеко. Джексом поможет тебе догнать остальных, а я помогу Мари. Когда мы с ними поравняемся, то поменяемся снова.

– Хорошая идея, – согласилась Мари. – Как я понимаю, Антрес в первой лодке?

– Да.

– Когда мы их нагоним, нужно будет попросить Антреса остановиться – ненадолго, только чтобы призвать луну и исцелить Ника.

– И себя, – мрачно добавил Ник. – Ты призвала солнечный огонь – несколько раз. Ты спасла Лару, Ригеля и меня.

– И Фортину! Не забывай про эту чудо-девочку, – подхватил Джексом. Молодая овчарка кое-как свернулась у него на коленях, хотя она, как и ее брат Ригель, слишком выросла, чтобы удобно разместиться в ногах спутника. Мари заметила, что Джексом словно не замечает мокрой и тяжелой шерсти подростов щенка. Его руки безостановочно поглаживали ее, а Фортина почти не отрывала взгляд от лица своего нового спутника.

– Как же мы можем забыть о Фортине, – улыбнулась Мари Джексому и его пушистой спутнице. – Добро пожаловать в Стаю, малышка. Я очень рада, что ты с нами.

– И я! – Джексом перевел на Мари глаза, полные слез счастья. – Она так меня любит! Я это чувствую.

– Я знаю. Я рада за тебя, Джексом.

– Быть спутником овчарки – ни с чем не сравнимое ощущение, – кивнул Ник и поморщился: даже легкое движение вызывало у него боль. – И я тоже за тебя рад. Но все же Мари спасла нас всех, и ей, как и нам, нужна сила луны.

– Я сохраню немного для себя. Не беспокойся, Ник. Но я не настолько измучена, какой была, когда в последний раз призывала солнечный огонь. Я учусь, и на этот раз у меня получилось впитать немного силы солнца.

– Но тебя только что стошнило, – заметил он.

– Да, но скорее из-за того существа на хребте, чем из-за усталости от призыва солнечного огня. Джексом, передай мне Фортину. Я подготовлю для нее место, а потом мы с тобой поменяемся.

С молчаливого согласия Ника они, осторожно балансируя, перенесли щенка; Ригель и Лару не сводили с них глаз, ободряюще барабанили хвостами по доскам. Мари коснулась влажной щеки Ника.

– Мы будем держаться рядом, – пообещала она ему, прежде чем поменяться с Джексом местами.

Ригель заскулил.

– Все хорошо, малыш, – быстро сказала Мари, – я буду рядом.

Маленький пшеничный терьер Дэвиса, Кэмерон, приветственно запыхтел и лизнул Мари в лицо. Она рассмеялась.

– И Кэмми за мной приглядит.

Не обращая внимания на негодующее фырканье Ригеля, Мари потрепала Кэмми по шерстке, и тот восторженно завертелся на месте.

– Спокойно, Кэмчик. Не переверни лодку, – сказал Дэвис, и его спутник тут же затих.

– Джексом, ты пробил все оставшиеся лодки? – спросила Мари.

– Все, кроме двух одноместных в самом конце ряда. Я начал с больших лодок. Я... надеюсь, я поступил правильно.

– Конечно, – сказал Ник. – Ты молодец. Теперь меня меньше тревожит мысль о преследователях.

– Племя слишком занято борьбой со свежевателями, чтобы думать о нас, – сказал Джексом. – Я наблюдал за ними, сколько мог, и никто не пытался нас преследовать.

– Как же я им сочувствую, – поежилась Мари.

– Им? – переспросил Джексом. – Ты имеешь в виду Племя, которое пыталось убить тебя и Ника?

Мари посмотрела на него.

– Нет, я не о Тадеусе и его охваченных злобой Воинах. Я имею в виду остальное Племя – Ралину и других – тех, в ком нет ненависти.

Джексом заворчал, но ничего не ответил и лишь подобрал весло Мари и занял ее место в задней части лодки.

Дэвис и Мари обменялись взглядами.

– Сложно сочувствовать людям, которых не знаешь, – мягко сказал Дэвис. Передавая ей весло Джексома, он коснулся ее руки. – Спасибо. Спасибо тебе за то, что ты знала их, и за сочувствие.

Она кивнула и грустно улыбнулась Дэвису. *«Ну почему в этом мире так мало места сочувствию?»* Она устроилась в задней части лодки.

– Я готова.

– Отлично. Давайте поднажмем. Чем быстрее мы догоним остальных, тем быстрее Мари исцелит Ника, – сказал Дэвис.

Мари склонилась над лодкой, окуная весло в глубокую черную воду. О царящей под ней темноте она старалась не думать. Она не боялась воды, но, будучи Землеступом из Клана плетельщиков, на воде бывала нечасто. Разумеется, она умела плавать. Все Землеступы учились этому в детстве. Они ловили рыбу, но только в ручьях и неторопливых мелких речушках, пересекающих территорию Землеступов. В Увилке они не рыбачили никогда: на западе она принадлежала Племени, а на востоке – свежевателям. В сторону Умбрии Мари даже не смотрела – возможно, и к лучшему, подумала она теперь. Берега было не видно ни справа, ни слева, и Мари представляла, что он гораздо ближе, чем, как она подозревала, было на самом деле.

Когда они решили подняться по реке и перейти через горы, чтобы добраться до равнин Всадников ветра, Шена, Дэвис и О’Брайен под руководством Антреса показали Землеступам, как грести на лодках вроде тех, что использовали в Племени. И Мари взялась за весло, черпая силы из теплившихся в ней остатков солнечного огня. Не обращая внимания на ноющие плечи, она прислушивалась к указаниям Дэвиса: «Хорошо, Мари. Гребь ровнее. И раз... и раз... и раз...»

Время от времени ей удавалось улучшить секунду, чтобы оглянуться – и убедиться, что лодка Ника не отстала. Она потеряла счет времени и чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда Дэвис крикнул:

– Всем привет!

– Дэвис! – донесся до них знакомый голос О’Брайена, прежде чем Мари смогла разглядеть кузена Ника в темноте. – Ник и Мари с тобой?

– Да! Мы тут! – закричала Мари. – Но Ник ранен. Ему нужно передохнуть. Мы должны остановиться, чтобы я могла призвать луну и исцелить его.

– Подплывите ближе! – разнесся над чернильной водой голос Антреса. – Свяжите лодки с О’Брайеном, а остальные пусть замкнут кольцо.

– Сделаем! – отозвалась Мари.

– Мы с Джексомом за Мари с Дэвисом, – сказал Ник. – Мы привяжем себя к ним.

«Интересно, что задумал Антрес?» Чтобы призвать луну, ей нужно было сойти на берег, но, возможно, для этого и требовалось связать лодки. Как бы то ни было, она почувствовала невероятное облегчение, увидев остальных членов Стаи.

– Богиня великая! Как же я рада тебя видеть! – воскликнула Зора, подплывая к ним.

Лодка Зоры была больше, чем у Мари, и в ней свободно разместились Шена со своим Капитаном и Роза с маленькой Фалой и ее щенками. Щенок Зоры, самочка по имени Хлоя, сверкал глазками-бусинками из перевязи, которую Зора носила на груди.

– Ник? – Зора встревоженно огляделась. – А где Ник?

– Он здесь, за нами, – махнула за спину Мари.

– Сильно он ранен? – поинтересовалась Зора, роясь в плетеной корзине у ног.

– Не могу сказать точно. Тадеус и его прихвостни использовали его в качестве мишени. Раны продолжают кровоточить. Я думала, они поверхностные, но он очень слаб, а судя по его коже, все гораздо серьезнее.

– Послушай, Жрица Луны. Я тут. И со мной все будет хорошо. Хотя, как ни печально это признавать, тебе придется меня подлатать. Снова. И на этот раз придется обойтись без вашего чудо-чая.

Антрес подвел к ним свою маленькую лодку и уверенно закружил вокруг, оценивая ситуацию. Его рысь, Баст, напоминала резную статуэтку на носу лодки – ее выдавали только сверкающие желтые глаза, с подозрением оглядывающие воду. Из-за спины Антреса выглянула Данита, сверкнув в темноте белоснежной улыбкой:

– Мари! Хвала Богине! Мы так о вас беспокоились.

– Знала бы ты, как приятно снова видеть Стаю.

Антрес остановил лодку рядом с лодкой Мари.

– Тебе действительно нужно призвать луну?

– Да. Ник потерял много крови – и продолжает ее терять. Мне нужно призвать целительную силу луны, а уж потом решать, нужно ли зашивать раны, или достаточно будет промыть их и забинтовать. – Прищурившись, Мари попыталась разглядеть в темноте берег. – Неужели нельзя причалить хоть ненадолго?

– Нет, – мрачно сказал Антрес. – Мы еще слишком близко к Фермерскому острову. Я знаю, что на Племя напали, так что на его счет можно не беспокоиться, но мы не знаем, сколько в лесу свежевателей и почему они атаквали Племя. Они вполне могли решить, что мы часть Племени и пытаемся сбежать. И уж поверь мне, не стоит давать им шанс нас перехватить.

– Но ведь у свежевателей даже нет лодок, – заметил Дэвис.

– Они умеют плавать. И чертовски хорошо, – сказал Ник. – Я сам видел.

– И я, – донесся до них слабый голос.

– Уилкс? Это ты?

– Да. Мы с Клаудией добрались до Стаи. – Его слова потонули в приступе хриплого кашля.

– Мари, ты можешь просто перевязать Ника и потерпеть еще несколько часов? – спросил Антрес. – Если мы хорошенько поработаем веслами, то уйдем достаточно высоко по течению, чтобы сделать привал, и тогда ты сможешь призвать лунную силу. Я планировал первую остановку примерно в десяти милях отсюда. Если повезет, будем там через четыре с небольшим часа.

Мари услышала, как Уилкса снова душит кашель, а кого-то – очевидно, Клаудию – тошнит.

– Антрес, Ник не единственный, кому нужна помощь. А если Стая слаба, до привала мы не доберемся.

– Мы здоровы, Мари, – донесся до нее голос Клаудии – влажный и совершенно больной.

– Скажи, Антрес, мы могли бы остановиться и призвать луну, если бы точно знали, что свежеватели нас не преследуют? – спросила Зора.

– Думаю, да. Но нам придется сделать все быстро и как можно скорее снова отправляться в путь.

– Прекрасно. Можно считать, что вопрос решен. О’Брайен, ты можешь подплыть сюда?

– Конечно! – донесся голос О’Брайена из связанных друг с другом груженных припасами лодок с взволнованными членами Стаи.

Вскоре к ним подплыла лодка О’Брайена – еще одно просторное судно на несколько весел. На веслах вместе с ним сидели Дженна и Сара. Заметив Мари, Дженна широко улыбнулась и быстро помахала ей, прежде чем снова опустить весло в воду. Собак в лодке не было, а за кормой виднелся один из переделанных в плоты каркасов кровати, груженный припасами. Лидия, старшая сестра Сары, спина которой сильно пострадала в лесном пожаре, была одной из трех пассажиров. В центре лодки сидели еще две девушки, и, когда они оказались ближе, Мари с удивлением поняла, что не узнает ни одной из них.

В следующую секунду ее удивление сменилось потрясением, потому что одна из девушек повернулась к Мари лицом – *безглазым лицом!*

– Кто это? – спросила Мари.

– Свежевательницы, – невозмутимо сообщила Зора. – Мы встретили их по пути к Каналу. Они бежали от своих. Это Лили. – Девушка помладше, зрячая, почтительно поклонилась. – А это Голубка. *Твоя* Голубка, Мари. Из твоего сна.

Мари вздрогнула, сообразив, что Зора говорит о сне, в котором к ним в поисках укрытия прилетела голубка, а голос матери велел Мари принять ее, но лишь при одном условии.

– Ты взяла с нее клятву?

– Да, Жрица Луны, – ответила за нее безглазая. – Я рада знакомству со второй предводительницей вашей Стаи.

У Мари не было ни времени, ни желания на обмен любезностями.

– Что за существо стояло на хребте? С рогами?

– Это Бог Смерти, жрица. От Него мы с Лили и бежали.

От мрачного предчувствия по коже Мари забегали мурашки.

– Чего хочет Его армия?

Голубка ответила не задумываясь:

– Уничтожить Других, которых вы зовете Древесным Племенем, и увести Народ из отравленного города в Город-на-Деревьях.

– Как по-твоему, Он будет нас преследовать? – спросила Зора.

Голубка повела гладкими плечами.

– Я не могу говорить за Смерть. Я была Его пленницей, и Он не делился со мной планами, так что я могу лишь повторить то, что слышала от Него. Он давно мечтал занять Город-на-Деревьях. Он ничего не говорил о пленении вашего народа, обитателей нор, но, раз уж я поклялась говорить правду, я должна признаться: если Он узнает, что я с вами, Он может попытаться меня вернуть.

– Каковы шансы, что этот Бог знает, что она с нами? – спросил Ник.

– Он не знает, что мы с Лили сбежали, – отозвалась Голубка. – И не узнает, пока не вернется за мной в город.

– У меня к тебе еще много вопросов, Голубка, – сказала Мари. – Но они подождут. Антрес, похоже, мы смело можем остановиться тут – пусть и ненадолго.

Антрес тоскливо вздохнул.

– Хорошо, призови луну и исцели Ника, Уилкса и Клаудию. Но тебе придется сделать это прямо здесь. Мы должны держаться в середине реки. Течение очень капризное. Если подойдем слишком близко к Фермерскому острову, нас может к нему прибить, и то же касается противоположного берега.

– Ты сможешь это сделать? Призвать луну на воде? – просил Ник.

Мари обменялась взглядами с Зорой. Вторая Жрица пожала плечами.

– Я никогда не делала этого и не помню, чтобы мама хоть раз упоминала призыв луны с воды, но я попробую, – сказала Мари.

– Надеюсь, у тебя получится, – сказал Антрес. – Нам еще много раз предстоит связывать лодки и ночевать на реке.

– Этому нам еще предстоит научиться, – пробормотала Мари себе под нос, но Данита ответила ей:

– Я уверена, что ты справишься. Луна есть луна. Она видна всюду, даже на воде.

– Мне кажется, на воде ее присутствие ощущается еще сильнее, – подхватила Дженна. – Когда я была в плену и жила в плавучем доме на Канале, ночами я боролась со сном до последнего, чтобы подольше смотреть на отражение луны в воде. Она сияла, и Канал из зеленого и жуткого становился серебристым и знакомым. Только это и помогло мне не забыть о доме в те страшные дни.

Несколько женщин, которые тоже побывали в плену, согласно забормотали, и Мари охватило чувство признательности.

– Спасибо вам, Дженна и Данита. Мне важно было это услышать. – Она повернулась к Джексому и протянула руку. – Помогите мне вернуться к Нику.

Они осторожно поменялись местами и перенесли назад в лодку Джексома Фортину.

– Это что, еще один пес? – спросила Зора.

– Да! – Счастье освещало лицо Джексома, как солнечный огонь. Оно пылало так ярко, что его видела вся Стая, а щенок жался к нему, с обожанием заглядывая ему в глаза. – Это Фортина. Она моя спутница.

– Жуки и пауки! Фортина? – Шена разинула рот, во все глаза глядя на щенка. – Но она спутница Маэвы.

– Была. – Джексом обнял Фортину, готовый к обороне. – Она убежала из Племена и выбрала меня. Она сказала мне свое имя, и теперь она со мной. Навсегда. Да, Мари? Ник?

– Конечно, – торопливо ответила Мари, услышав в голосе Джексома страх. От одной мысли о расставании с Ригелем ее охватило мучительное щемящее чувство.

– Фортина ушла от Маэвы, – сказал Ник. – Я никогда не видел ничего подобного – и даже не слышал о таком, – но она выбрала себе нового спутника, и этим спутником стал Джексом.

– А я слышал. Такое хоть и редко, но случается, если с собакой дурно обращаются, – сказал Уилкс и согнулся над бортом лодки в очередном приступе кашля.

– Мне бы хотелось об этом послушать, когда я вылечу вас и опасность останется позади, – сказала Мари. Она немного помолчала и обратилась к Джексому: – Не бойся. Никто не посмеет отобрать у тебя Фортину. – Она повернулась к Зоре. – Я попробую призвать луну.

Зора кивнула.

– Что мне делать?

– Сконцентрируйся вместе со мной. Думай о луне; о том, как она прекрасна; о том, что она повсюду.

– Хорошо. Можешь на меня рассчитывать, Мари.

– И на меня тоже, Мари! – добавила Данита, а за ней и Изабель.

– И на меня, – подхватила Дженна, улыбаясь подруге и Жрице Луны. – Я, конечно, не умею призывать луну, но постараюсь помочь.

– И я тоже, Жрица! – раздался еще один голос.

– И я!

– И я тоже!

Глаза Мари наполнились слезами благодарности. Любовь и поддержка окружили ее – и она почувствовала себя непобедимой.

– Спасибо! Спасибо вам всем. – Она повысила голос. – Выведите ближе лодку Уилкса и Клаудии, чтобы я могла их коснуться.

– Сейчас! – услышала она голос Мэйсона, младшего брата Джексома. Вскоре они со Спенсер, девушкой из клана Землеступов, способности и энергия которой вызывала у Мари все

больше уважения, подвели лодку на освобожденное Антресом место рядом с каноэ Мари. По другую сторону от нее стояла лодка Зоры. Стараясь не потерять равновесия, Мари встала рядом с Ником и посмотрела на Зору.

– Готова?

– Всегда готова, – кивнула вторая Жрица.

Мари закрыла глаза и начала рисовать в воображении широкую спокойную реку. Представив реку, она добавила к ней несколько лодок. Особенно тщательно она представила ту, в которой были они с Ником, и лодки Мэйсона и Зоры. Она сделала три долгих глубоких вдоха, медленно выдыхая и представляя, как тянется вниз, в черную воду, и касается илистого дна. Затем она развела руки, откинула назад голову, открыла глаза и начала читать древнее заклятие, меняя его соответственно ситуации:

Я Жрица Лунная, о Мать-Земля!
Перед тобой стою, к тебе взываю я.
Хоть не в лесу, в норе иль средь полей,
Прошу тебя: целебный свет пролей!
Ведь ты вольна дитя свое найти
И там, где сроду не было земли.
О Мать-Земля, мне слух и зренья обостри
И на реке меня ты силой надели!
О лунный свет, меня наполни до краев,
Несу я людям исцеленье и любовь.
Мне в дар от предков связь с тобой дана.
Моя судьба – нести твой свет, Луна!

Мысленно Мари дорисовала к тщательно выписанной картине безоблачное ночное небо и яркую луну. От луны вниз струился свет – плотные сияющие лучи, которые касались ее, наполняя ее тело исцеляющей магией.

Она ощутила прохладную силу луны и быстро закончила картину, представив, как серебряный свет проходит через ее тело и льется из ладоней, которыми она касается склоненной головы Ника.

Когда она заговорила, ее голос гремел от мощи яркой, хотя и невидимой луны:

– Ник, я очищаю тебя от слабости и ран и передаю любовь великой нашей Матери-Земли!

Голова Ника была опущена, но спустя несколько минут он поднял ее, лучезарно улыбаясь Мари. Благодаря свету, который исходил от Мари, они увидела, что на щеки Ника вернулся здоровый румянец.

– Спасибо тебе, моя прекрасная Жрица.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб, машинально отметив, что он больше не холодный и липкий. Затем она повернулась к Уилксу и Клаудии, которые, задыхаясь от кашля, корчились плечом к плечу в центре лодки. Мари протянула им руку. Уилкс кивнул Клаудии, и девушка, не колеблясь, крепко сжала протянутую ладонь. По жару ее кожи Мари поняла, что болезнь уже пустила корни в ее теле.

Она закрыла глаза и, сосредоточившись, представила, как лунная сила мощным потоком течет от нее к Клаудии, вытесняя страшную болезнь.

– Клаудия, я очищаю тебя от болезни и передаю любовь великой нашей Матери-Земли.

Когда кожа Клаудии стала прохладной и девушка глубоко вздохнула полной грудью, Мари отпустила ее руку и на секунду открыла глаза.

Клаудия ошарашенно смотрела на нее.

– Спасибо, Жрица Луны! Я... я снова чувствую себя собой!

Мария, мощная овчарка Клаудии, возбужденно залаяла. Лежащий рядом с ней Один тревожно скулил, не сводя глаз с Уилкса.

Мари протянула руку Уилксу, и тот с готовностью ее принял. Она снова закрыла глаза и представила, как серебристый поток направляется от нее к Уилксу. Она почувствовала, как его горячая рука вздрогнула, но он не выпустил ее ладонь, а только сжал ее сильнее.

– Уилкс, я очищаю тебя от болезни и передаю любовь великой нашей Матери-Земли.

Его хватка ослабла, а кожа перестала гореть, и Мари открыла глаза. Он улыбался, и в его глазах стояли непролитые слезы благодарности.

– Простого «спасибо» мало, но больше я ничего не могу предложить – лишь благодарность и клятву всегда поддерживать тебя – всегда верить в тебя и Стаю. Спасибо тебе, Мари, Жрица Луны.

– Великая Мать-Земля требует от своего народа лишь верности, искренности и доброты – этого достаточно и мне. Я рада, что смогла помочь, Уилкс.

Мари подняла руки, чтобы поблагодарить луну и позволить серебряному потоку вернуться в небо, но пошатнулась, и Нику пришлось подхватить ее под локоть, чтобы их каноэ не опрокинулось.

– Не отпускай лунную силу, Мари, – напомнила ей Зора. – Оставь немного для себя.

Мари кивнула и, снова зажмурившись, медленно подняла руки и запрокинула голову. А потом представила, как нежный серебристый дождь льется на нее с неба, проникая в плоть и кровь, наполняя ее тело прохладным целительным светом.

Мгновение – и тошнота и слабость отступили.

– Спасибо тебе, луна, – обратилась она к закутанному в облака шару. – И тебе, Великая Мать-Земля.

Исполненная силы и благодарности, Мари с нежностью окинула взглядом лодки и ощутила такую радость и волнение, что не удержалась и раскинула руки, словно хотела обнять их всех.

Мари сверкала.

Мари светилась.

Мари пламенела.

– Стая! Сегодня начинается наша история! Сегодня мы решили начать жизнь заново и создать мир, в котором каждый сможет быть самим собой. Мир, в котором каждый достоин уважения! Мир, в котором каждый ценится как личность и как часть единого целого!

– Пусть Богиня придаст тебе сил, Жрица Луны! – зазвенел голос Дэвиса над водой, серебряной от ослепительного сияния Мари.

– Так и будет! Она будет сопровождать нас в нашем путешествии. Она – и Бог Солнца. С двойным благословением нашу Стаю непременно ждет успех. – Мари заметила, как на лицах тех членов Стаи, которые прежде были Племенем, отразилось приятное удивление, когда она упомянула их бога. Ее голос, усиленный радостью и могуществом луны, разнесся далеко над водой: – Так пусть Мать-Земля и Бог Солнца благословят нас в этом путешествии в новую жизнь и новый мир на вольных равнинах Всадников ветра!

Стая поддержала ее радостными криками, и Мари, осторожно отпустив лунную магию, со смехом упала в объятия Ника.

* * *

Железный Кулак отыскал маленькое каноэ, которое не испортили беглецы. Он тихо спустил его на воду, с удовольствием отмечая, насколько быстрее и проще с ним управляться по сравнению с грубыми плотами, на которых Народ пересекал реку, текущую через Город.

Он понимал, что догнать медленную вереницу лодок будет несложно – особенно две лодки, которые отплыли незадолго до него. Они отстали от остальных и теперь отчаянно пытались нагнать товарищей. Железному Кулаку пришлось перебраться через каменистое мелководье и обогнуть дальний край острова Племени, чтобы не опередить их и остаться незамеченным, и только его нечеловеческая сила помогла лодке не перевернуться посреди капризного потока воды.

Когда Железный Кулак услышал крики и понял, что беглецы связывают лодки, он бросил якорь у мощных древесных корней и принялся ждать, когда они снова двинутся в путь.

Но, связав лодки, они не продолжили путешествие. Железный Кулак напряг слух, чтобы разобрать слова, которые доносила до него вода. Он почти отчаялся и уже начал обдумывать новый план, решив захватить пленного и доставить его к Смерти на допрос.

И тут у него отвисла челюсть: женщина начала читать заклинание – что-то волшебное, магическое, – и ее юный голос загремел такой силой, что Железный Кулак с легкостью расслышал каждое слово.

Женщина призывала силу луны!

Удивление Железного Кулака росло, сменяясь потрясением, когда затянутое облаками небо вдруг раскололось, и на девушку – ибо, присмотревшись, Железный Кулак понял, что она почти дитя, – пролились сияющие лучи лунного света. Несмотря на юный возраст, она обладала огромной силой. Она излучала серебряное свечение – такое яркое, что на нее было больно смотреть.

Завороженно дослушав заклинание, он сообразил, что перед ним волшебница, зовущаяся Лунной Жрицей, которая посвятила себя Великой Богине Земли и умела призывать силу луны – и, видимо, исцелять.

Железный Кулак наблюдал, как она поочередно возложила руки на одного, второго, третьего спутника. Он видел, с каким восторгом они отзываются на ее прикосновение, и понял, что эта Лунная Жрица и впрямь обладает способностью к исцелению.

В голове у Железного Кулака роились мысли. Бог Смерти будет рад таким новостям. *«Девушка, которая метнула огонь с такой же легкостью, с какой сухая ветка занимается от раскаленного угля, умеет призывать силу луны и лечить людей во славу своей богини!»* Он с трудом сдерживал нетерпение.

Жрица тем временем обратилась к своей Стае и заговорила о новом начале, новом мире и месте, куда они держат путь!

Тут Железный Кулак заметил в сияющем свете луны еще одну вещь, о которой Бог пожелал бы узнать. В одной из лодок сидели, улыбаясь и радуясь с остальными, Голубка и Лили! Железный Кулак долго присматривался, не веря своим глазам, но безглазое лицо Голубки невозможно было перепутать, а рядом с ней сидела Лили, которая обнимала госпожу и выглядела счастливее, чем в родном храме. То, что обе девушки покинули Смерть и присоединились к беглецам, было очевидно – так же очевидно, как грядущее божественное возмездие.

Железный Кулак представил это. Возможно, Смерть позволит Жнецам насладиться девушками перед тем, как убить. От одной мысли по его телу прошла дрожь предвкушения.

Железный Кулак не стал ждать, пока они скроются из виду. Не стал он их и преследовать. Он узнал то, за чем его послал Бог, и даже больше. Он узнал, что Голубка предала своего Бога. Он узнал, куда направляется жрица, умеющая управлять огнем: на равнины Всадников ветра! И хотя за свою ограниченную, полную яда жизнь Железному Кулаку не довелось узнать, где лежат эти равнины, он был уверен, что его Господину – его Богу – это известно.

Смерть знал все.

С новыми силами Железный Кулак отвязал каноэ и поплыл по течению назад в Канал, сгорая от желания поскорее принести хозяину хорошие вести.

Глава 4

Два года назад – равнины Всадников Ветра – близ весенней стоянки Табуна Мадженти

Что за ними с Анджо следят, Ривер поняла еще до того, как над равниной раздался грозный крик летуна. Благодаря духовной связи она чувствовала напряжение Анджо, но решила было, что двухлетка просто волнуется, потому что сегодня им предстоял первый официальный выезд, которого они с кобылой ждали весь год. Сегодня, спустя семнадцать лет грез и ожидания, мечтаний и желаний, Ривер станет Всадницей ветра.

И вместо того, чтобы довериться лошади, остановиться и попытаться понять, что ее встревожило, Ривер послала Анджо успокаивающие мысли, заверяя ее, что все хорошо – что они готовы к своему первому выезду, – а потом ускорила шаг и затрусила рядом с Анджо, удаляясь от весенней стоянки табуна Мадженти. Идея оправдалась лишь наполовину. Ривер предположила, что Анджо успокоится, если никто не будет им мешать, и, говоря откровенно, она была согласна со своей спутницей. Двухлеток обычно объезжали медленно, осторожно, под надзором старших лошадей и их Всадников, но Анджо и Ривер, как обычно, думали одинаково.

Они были не просто двухлеткой и Всадницей. С того самого дня, когда Анджо выбрала себе Всадницу, в табуна Мадженти не стихали разговоры о том, кто станет следующей Старшей кобылой и ее Всадницей, – и Табун почти единодушно склонялся к тому, что это будут Анджо и Ривер. На то были причины. Анджо обещала стать кобылой удивительной красоты, а учитывая, что десять лет правления Эхо подходили к концу, Табун, естественно, строил догадки. Неудивительно, что Табун делал ставки на одаренную дочь Всадницы, чья кобыла вела за собой Табун десять долгих лет, за которые родилось невиданное число сильных, здоровых жеребят и счастливых Всадников. Скрыться от сплетен и предположений было решительно невозможно, и обычно Ривер их просто игнорировала. Как говорила мать: «Будь лучшей версией себя, а не той, какой тебя хотят видеть другие». Но это не означало, что в их первый выезд Ривер и Анджо нуждались в зрителях.

Вот почему они покинули стоянку на рассвете и теперь целеустремленно шагали прочь от вездесущего Табуна.

Заслышав пронзительный визг летуна, Анджо вскинула голову и фыркнула. Ривер захлестнула волна ее страха.

– Тс-с, все хорошо, Анджо. Я пока ничего не вижу.

Прикрывая глаза ладонью от утреннего солнца, Ривер осмотрела небо у них за спиной. Далекий крик летуна как будто доносился спереди, но эти опасные твари умели вводить в заблуждение. Пытаясь убежать от пронзительного крика летуна, ничего не подозревающая добыча попадала прямоком под удар чудовища. Но Ривер нельзя было назвать добычей.

– Время еще есть. Смотри, вон граница леса. – Ривер указала на зеленое пятно, которое, казалось, было невозможно далеко от них. Летуны нападали на добычу только на открытом пространстве. Даже редколесье мешало им пикировать и вцепляться в жертв. – Там мы будем в безопасности. Пойдем, я буду держаться за тебя, чтобы не отстать.

Ривер крепко взялась за длинную гриву Анджо, и крупная кобыла, перейдя с рыси на легкий галоп, едва не поволокла Ривер за собой.

Но Анджо вовремя остановилась, всхрапнула, мягко боднула Ривер лбом, а потом – так, словно делала это каждый день, – согнула колени, приглашая девушку сесть верхом.

– Ты ведь знаешь, что нельзя. Твои кости еще не окрепли, чтобы нести меня на бегу. Нельзя рисковать нашим будущим – десятилетиями, которые у нас впереди. Ты можешь пораниться или, чего доброго, сломать ногу. Нет, я не отстану, если буду держаться за тебя. Я же говорю, время у нас есть.

Крик летуна раздался снова – на этот раз ближе. Ривер оглянулась и окинула взглядом небо. Похолодев, она различила темный силуэт, который кружил вдалеке, приближаясь к ним с каждым взмахом крыльев. С того места, где они находились, существо выглядело обманчиво безобидно. Но Ривер знала, что это не так. Летуны умели притворяться простыми стервятниками, хотя вместо перьев у них были кожистые крылья, покрытые чешуей, и темный мех, покрывающий их лукообразные тела. В отличие от обычных падальщиков они питались свежей добычей, атакуя с неба и поедая ее живьем. Один крошечный укус острых, как бритва, зубов – и жертва получала такую дозу яда, что ее мгновенно парализовывало, так что тварь могла медленно поедать свою добычу, которая была не в состоянии ни двигаться, ни звать на помощь, ни даже просто кричать.

Анджо снова всхрипнула и беспокойно затрясла головой, но не встала, даже когда охотничий крик летуна раздался опять – на этот раз гораздо ближе. Анджо дрожала, и разум Ривер заполнило страстное желание убежать.

– Ты права. Если кого-то из нас цапнет летун, будущего у нас не будет. – Ривер приблизилась к голове Анджо и заглянула в прелестный карий глаз своей спутницы. – Мы будем осторожны. Мы не будем разгоняться сильно – только чтобы успеть до деревьев прежде, чем нас настигнет летун. – Она положила руку на широкий лоб кобылы. – Не таким я представляла себе наш первый заезд.

Анджо хлестала себя по бокам хвостом, всем своим видом показывая, что согласна.

Быстро, но осторожно Ривер отступила к плечу Анджо, ухватилась за гриву и скользнула на широкую, гладкую лошадиную спину.

Анджо без усилий поднялась на ноги и немного погарцевала, привыкая к весу Ривер. Разумеется, за минувший год Ривер ложилась на спину своей кобылы несчетное число раз, постепенно подготавливая ее к своему весу. Ни в одном из табунов лошадей не торопили брать на спину Всадников, и это была одна из причин, почему такие пары здравствовали долгие десятилетия. Анджо уже успела привыкнуть к легкой Ривер, хотя раньше девушка никогда не садилась на ее спину всем весом.

Несмотря на парящего над ними летуна, Ривер охватило радостное возбуждение и гордость. Она подалась вперед и погладила Анджо по лоснящейся шее.

– Ты умница – ты просто идеальна!

Летун завизжал снова, пронзительно и громко, и на этот раз звук донесся спереди. Ривер не стала тратить время и оборачиваться. Она и без того знала, что увидит: темный силуэт в небе, который приближается к ним со спины. Она сжала бока Анджо бедрами.

– Пошли!

Анджо легким, мягким галопом сорвалась с места. Ривер пригнулась к ее шее, подбадривая ее, но в то же время приговаривая: «Тише, тише, Анджо. Время есть. Не спеши, моя хорошая».

Кобыла шла ровно и уверенно, и хотя Ривер ездил верхом с тех пор, как научилась ходить, от гладкого галопа Анджо ее охватила безумная радость.

А потом случилось это. Удивительная волшебная связь, которая зародилась между ними год назад, когда Анджо выбрала Ривер, разрослась, укрепилась и наконец обрела законченность. Ривер задохнулась от нахлынувших на нее новых ощущений. Ее обоняние вдруг обострилось, зрение стало кристально-четким, превысив пределы человеческих возможностей. А еще Ривер *знала* то, что не мог знать человек. Она *чувствовала*, что на них ведется охота, – *ощущала* грозящую им опасность с небес. Она поделила с Анджо ее едва сдерживаемую панику и машинально направила кобыле успокаивающие мысли: «*Мы доберемся до деревьев. Все будет хорошо*». Ее заполнила сила. Ривер чувствовала мощь кобылы, чувствовала, как разогреваются и работают ее мышцы, а копыта бьют по мягкой зеленой траве.

– Ох, Анджо! Так вот о чем говорили мама и другие Всадники – о чувствах, которые ты разделяешь с лошадью и понимаешь, только когда сама становишься Всадницей. Это невероятно!

Кобыла прынула ушами, чтобы лучше ее слышать, и Ривер рассмеялась, потому что и слух у нее благодаря связи с Анджо стал лучше.

– *КРА-А-А! КРА-А-А!*

От вопля летуна кобыла и ее Всадница задрожали. На этот раз все обостренные чувства Ривер кричали: «ОПАСНОСТЬ!» Она изогнулась, чтобы посмотреть на небо у них за спиной.

Летун нагонял их. Еще несколько секунд – и хищник сложит свои чешуйчатые крылья и спикирует на них.

Ривер прикинула расстояние до границы леса, которая с каждым мгновением становилась ближе, и поняла, что, если не прибавить шагу, они просто не успеют. Она зарылась пальцами в гриву Анджо, борясь с желанием сорвать с пояса кожаный ремень, вложить в него короткое копьё, развернуть кобылу и метнуть оружие, усилив бросок энергией несущейся на полной скорости лошади весом в тысячу фунтов. Но они с Анджо еще не упражнялись в метании копья. Команды Всадников и двухлеток приступали к тренировкам лишь после первого выезда, когда их связь становилась абсолютной. У Ривер была меткая рука, но она понимала, что ее неопытность может их погубить.

Ривер мысленно выругала себя за то, что не взяла с собой лассо, – кидать веревку она училась с самого детства. Метание лассо давалось ей легко, и она не сомневалась, что могла бы забросить ее на шею летуну. *«Чтоб я еще раз хоть на минуту расталась с веревкой!»*

Нет. Она не могла дать летуну отпор – по крайней мере, на открытом пространстве. Ривер быстро приняла решение. Она склонилась к шее Анджо, крепче сжала ей бока и произнесла слова, которых молодая лошадь ждала уже давно:

– Беги, Анджо! Беги!

Ривер почувствовала исходящую от кобылы волну облегчения, и в ту же секунду ее шаг удлинился, а копыта гулко застучали по земле. Ветер хлестнул Ривер по щекам, на глаза навернулись слезы, а дыхание перехватило, но ее лицо озарилось свирепой улыбкой. Анджо неслась по прерии, как стрела. Трава доходила кобыле до колена, и Ривер казалось, что они летят над зеленым океаном.

Деревья приближались; обостренные чувства подсказали Ривер, что неподалеку от границы леса бежит ручей. Она ощутила и что-то еще – что-то темное и дикое; что-то опасное. И тогда Анджо вскинула голову и затормозила.

– Что такое? – крикнула Ривер, вглядываясь в тень деревьев и пытаясь понять, какую опасность почувствовала Анджо.

Жеребец возник словно из ниоткуда. Позднее Ривер поняла, что, должно быть, не заметила его из-за растущего перед деревьями кустарника, но в тот миг его появление выглядело как сущее колдовство. С диким ржанием он кинулся наперерез Анджо и, очерившись, ухватил ее зубами, вынуждая повернуть влево. Кобыла запаниковала и шарахнулась в сторону, чуть не сбросив Ривер, которой оставалось только вцепиться в гриву крепче и во все глаза смотреть на прекрасного, но совершенно обезумевшего жеребца.

– Призрак! – Она с трудом понимала, что происходит, но безошибочно узнала молодого жеребца. – Стой! Уйди с дороги!

Она даже попыталась пнуть его ногой, но конь был слишком быстр. Он продолжал теснить Анджо влево, так что теперь они скакали вдоль границы леса. Анджо прижала уши и, кося глазом, злобно заржала на жеребца.

Внезапно Призрак изменил направление и прикусил ее за круп в последний раз, на этот раз тесня к деревьям, а потом резко остановился и повернулся к летуну.

– Пошла! Пошла! – кричала Ривер на Анджо, но ее не требовалось подгонять. Никуда не сворачивая, они наконец влетели под защиту деревьев.

Сдавлив коленями бока Анджо, Ривер развернула кобылу. Летун спикировал на жеребца. Призрак заржал и, оскалив зубы, ударил копытами. Летун вышел из пике и, сделав еще один круг, пошел на второй заход.

– Призрак! – закричала Ривер. – Беги сюда, под деревья!

Но молодой жеребец ее словно не слышал. Она видела, как сверкают белки его глаз, как с диким ржанием он вскидывает голову, кипя от ярости, которую готов обрушить на летуна. Черная тварь завизжала снова.

– *КРА-А-А! КРА-А-А!*

Призрак заржал в ответ и закружил на месте, не выпуская летуна из виду.

– Вот дерьмо! – вполголоса выругалась Ривер. *«Он не отступит, а я не стану сидеть здесь и смотреть, как его убивают»*. Анджо отскочила в сторону, всхрипнула и затрясла головой, умоляя Ривер помочь жеребцу. Ривер сорвала с пояса широкий кожаный ремень и выхватила из притороченной к седлу сумки метательный дротик. Быстро подцепив изогнутый конец короткого копыя к длинному ремню, она сдвинула бока кобылы ногами.

– Я с тобой, Анджо. Мы еще не тренировались вместе, но у нас получится. Должно получиться. Нельзя, чтобы эта тварь добралась до Призрака.

Она представила, как они с Анджо мчатся к жеребцу и она кидает в летуна копьё.

Анджо напрягла мышцы и приготовилась.

– *КРА-А-А! КРА-А-А!*

Призрак излучал силу и ярость. Он встал на дыбы и, когда хищник с визгом спикировал на него, нанес летуну страшный удар передними копытами. На этот раз он почти попал, но тварь извернулась в воздухе, чудом избежав его крепких зубов.

– Давай! Пошла, Анджо! Пошла!

Уговаривать кобылу не пришлось. Она вырвалась из-под деревьев и помчалась к разъяренному жеребцу.

Хищник кружил над головой Призрака, готовясь к новой атаке. Он сложил кожистые крылья, прижав их к жирному телу; на кончике клюва поблескивал яд. Ривер на полной скорости метнула копьё. Это был хороший бросок – не смертельный, но копьё задело летуна, прочертив у него на спине кровавую борозду и сбив его на землю, где Призрак, яростно взревев, принялся топтать его копытами, пока от летуна не осталась одна кровавая каша, смешанная с травой и землей.

Ривер торопливо перебросила метательный ремень через плечо и достала нож, который она, как любой член Табуна, носила с собой во время выездов в прерию. Анджо приблизилась к жеребцу. Всего одна царапина ядовитого клюва даже мертвого летуна могла искалечить Призрака – возможно даже, на всю жизнь, – и, едва Анджо остановилась, Ривер прыгнула на землю и подскочила к нему.

– Тише, малыш! Успокойся! – ласково обратилась она ко взбешенному жеребцу.

Она бросила взгляд на кровавое месиво, которое прежде было летуном, и почувствовала прилив облегчения. От ящероподобной птицы осталось отвратительное пятно, которое уже не представляло угрозы ни для Призрака, ни для кого-либо еще. Она взглянула на золотистого жеребца.

– Тише, малыш. Ты его убил. Все хорошо. Все хорошо.

Жеребец прекратил метаться и молотить копытами мертвого летуна и повернулся к Ривер и Анджо. Вскрикнув, он отпрянул в сторону и насторожил уши. Казалось, он готов в любую секунду сорваться с места, так что Ривер сосредоточилась на своих эмоциях. Любой член Табуна знал, что эквины чувствуют все, что испытывают люди, – даже те, у которых нет

своей лошади. Ривер замерла и постаралась успокоиться и дышать глубже, и, чем уверенней чувствовала себя она, тем спокойнее становился жеребец.

Анджо тонко заржала, подбадривая Призрака.

– Хорошо... Хорошо, – пробормотала Ривер. – Что ты здесь делаешь, Призрак?

Она шагнула ближе; он фыркнул и попятился. Ривер как никто другой знала, что не стоит преследовать робкую лошадь, а потому повернулась к Анджо. Шкура кобылы была мокрой от пота и исходила паром, но дыхание уже выравнивалось. Нашептывая успокаивающие слова, Ривер тщательно ощупала мокрые ноги Анджо, проверяя, нет ли прогибов и ссадин. Кобылу до сих пор слегка потряхивало, но в остальном она, кажется, была в полном порядке.

– Нам нужен песок и вода. Я почуяла воду в лесу. Посмотрим, что там, – сказала она Анджо. Она обняла кобылу за шею, но прежде, чем они вернулись под кроны деревьев, Ривер поймала любопытный взгляд жеребца – который явно был адресован им с Анджо. – Пойдем, – позвала она. – Пойдем с нами, красавчик. Позаботимся и о тебе. – Она прищелкнула языком, и они с кобылой направились в сторону леса.

На Призрака Ривер не оглядывалась. В этом не было нужды. Благодаря пробудившимся в ней чувствам она знала, что он идет за ними, как знала это Анджо. Не прошли они и нескольких ярдов, как Ривер услышала шум бегущей воды. Вдоль пологих берегов росли дубы и кустарники, а у самой воды, у песка, раскинулись ивы.

Анджо охотно побрела в воду, и Ривер, быстро сбросив штаны, поспешила за ней. Она сняла дорожный мешок с потной спины кобылы и отнесла на берег, пока кобыла пила из неглубокого, но быстрого ручья. В мешке Ривер отыскала кусок плотной конопляной ткани и начала обтирать лошадь, пока та довольно вышагивала по песчаному дну.

– Умница. Не выходи пока из воды. Пусть связки остынут.

Ривер присела, снова ощупала ноги Анджо и с облегчением выдохнула, не обнаружив признаков травмы или перенапряжения. Анджо мысленно успокаивала Ривер и мягко подталкивала ее носом, когда вдруг насторожила уши и всхрапнула.

Призрак присоединился к ним. Внимательно осмотрев кобылу и Всадницу, он опустил морду в воду. Ривер продолжила обтирать Анджо, исподтишка поглядывая на жеребца.

За минувший год он заметно вырос, и она с удовольствием отметила, что он в хорошей форме. Каким-то чудом ему удалось пережить долгую холодную зиму без видимых последствий. Конечно, его красивая серебристая грива и хвост были покрыты колтунами, но в остальном он выглядел здоровым. После того, как Призрак сбежал со Сборного места, о нем долго судачили, но в конце концов все пять табунов согласились, что жеребенок был порченным. Никто – даже Ривер – не думал, что он выживет в одиночку. Мать Ривер считала, что, хотя жеребенок выглядел здоровым и сильным, у него был внутренний, незаметный до поры до времени порок, который стал бы для него роковым. В конце концов, здоровые стригунки *всегда* выбирали себе Всадника. Лишь больные и увечные жеребята не создавали связь с человеком. Ривер не хотелось в это верить, но она видела все своими глазами. Призрак перемахнул прямо через ее голову, чтобы сбежать с Избрания, а значит, с ним что-то было не в порядке.

За этот год его никто не видел – ни члены табуна Мадженти, ни гости из других табунов, – хотя его не раз пытались искать общими силами. Все решили, что несчастный жеребенок сбежал, чтобы умереть в одиночестве. Печально, но такова была великая, бесконечная спираль жизни.

Теперь же он, лучась здоровьем, стоял перед Ривер и по загадочным причинам испытывал желание их защищать.

Ривер пальцами расчесывала запутанный хвост Анджо, когда Призрак приблизился к кобыле. Он шел медленно, опустив голову, и слегка пританцовывал, рисуясь.

Пока Анджо наблюдала за ним, Ривер тихонько перешла к ее голове и принялась приводить в порядок гриву, как бы не замечая Призрака. Жеребец подошел ближе, негромко заржал и вытянул шею по направлению к кобыле.

– А, вот оно что. Тебе нравится моя Анджо. – От звука ее голоса он отпрянул, но Ривер снова повернулась к Анджо и продолжила причесывать кобылу, обращаясь к Призраку. – Я тебя понимаю. Она идеальна, правда? – Ривер улыбнулась, когда жеребец заинтересованно прыгнул ушами.

Ей в голову пришла идея.

– Пойдем, Анджо, давай закончим на берегу.

Ни кобыла, ни Всадница даже не взглянули на Призрака, но они слышали, как он бредет за ними по воде. Пока Анджо щипала молодую траву на берегу, Ривер натянула штаны и, покопавшись в дорожном мешке, достала любимое угощение Анджо – сладкую весеннюю морковку. Захватив горсть моркови, она вернулась к Анджо, которая, позабыв о траве, с удовольствием переключилась на угощение.

Когда жеребец вышел из воды и неуверенно подошел к Анджо, Ривер медленно подняла еще одну морковку.

– Эй, красавчик. Хочешь? У меня еще много. Это наша награда за первый выезд. Мы не думали, что придется делиться, но и не ожидали, что выезд окажется таким напряженным.

Стараясь двигаться как можно более плавно, Ривер протянула жеребцу морковку.

Призрак всхрапнул и попятился. Ривер улыбнулась и пожала плечами.

– Не хочешь – не надо. Анджо их обожает. Держи, моя славная девочка.

Она протянула морковку кобыле. Та поспешно взяла ее в уже набитый рот и довольно захрустела.

Когда Ривер отвернулась от жеребца, Призрак снова сделал в их сторону несколько шагов. Она подняла еще одну морковку.

– Передумал?

Она предложила морковку снова. На этот раз жеребец изо всех сил вытянул шею, чтобы взять морковку губами, после чего торопливо выхватил ее из руки Ривер и отошел в сторону, чтобы съесть.

Ривер протянула ему еще одну, порадовавшись, что взяла лакомства с запасом.

– Хочешь еще? Мы не против поделиться. В табуне Мадженти ее полно. Тебе стоит пойти с нами. Мы бы распутали тебе гриву и хвост.

Она говорила небрежно, словно они с Анджо каждый день натыкались на диких жеребцов, и, пока она говорила, Призрак понемногу придвигался к ним, пока не оказался прямо перед Ривер и Анджо.

– Держи, красавчик.

Она дала ему следующую морковку. На этот раз он не отступил, чтобы ее съесть, и Ривер поспешно вернулась к мешку, выудила оттуда еще несколько и вручила одну Анджо, а вторую Призраку. Жеребец принял ее мгновенно – и тогда Ривер воспользовалась возможностью и погладила его по широкому лбу.

Он всхрапнул и застыл, но не сдвинулся с места.

– Хороший мальчик! Славный мальчик. Почему ты сбежал со Сборного места? Что ты здесь делаешь совсем один? – пробормотала Ривер, пока он жевал морковь, медленно приблизилась к нему вплотную и, проведя руками по его шее, принялась распутывать узлы на его серебристой гриве. Призрак вытерпел ее прикосновение, но, когда она нагнулась, чтобы ощупать его ноги, шагнул в сторону – мол, не настолько они близки.

Пока.

– Поняла, поняла. Я бы тоже не позволила незнакомцам трогать себя за ноги, – сообщила ему Ривер и, вернувшись к шее, продолжила пальцами расчесывать его запутанную гриву,

жалея, что не взяла с собой деревянный гребень Анджо. Он позволил ей тряпкой стереть с него пот, и Ривер не смогла сдержать восхищения при виде его развитой мускулатуры и гладкой золотистой шкуры. – Не вижу в тебе ничего неправильного. По-моему, ты великолепен – в точности такой, каким я представляла тебя, когда ты был еще годовалым стригунком.

Под ее спокойными, уверенными руками Призрак расслабился, и вскоре они с Анджо бок о бок щипали траву, пока Ривер приводила в порядок гриву и хвост жеребца. Поддавшись порыву, Ривер сняла с гривы Анджо несколько ярких пурпурных лент с тонкой вышивкой и с молчаливого согласия Призрака вплела их в его серебристую гриву.

– Ну вот, теперь любой, кто тебя увидит, поймет, что ты из табуна Мадженти, и мы обязательно о тебе услышим – о том, что по прерии бродит золотистый жеребец в цветах Мадженти. – Произнеся эти слова вслух, Ривер ощутила страшную печаль. Она хотела было сделать из метательного ремня простенький недоуздок, но быстро отмела эту идею. – Я с таким трудом завоевала твое доверие. Я знаю, что потеряю его, если попытаюсь увести тебя с нами силой. Поэтому, Призрак, я буду надеяться, что ты пойдешь за нами сам – потому что ты устал от одиночества. Через семь дней Избрание. Могу поспорить, ты найдешь своего Всадника, если попробуешь еще раз. Знаешь, ведь не всех людей выбирают с первого раза. Может, с тобой вышло так же: просто твое время еще не наступило, – сказала она, поглаживая жеребца по золотистой шее, почесывая его широкий лоб и украшая его гриву цветами Мадженти.

Жеребец даже прикрыл глаза, согнул одну заднюю ногу и задремал – хотя, когда Анджо, которая паслась рядом, отходила слишком далеко, он просыпался и шел за ней.

– Прогресс, – сказала Ривер, поглаживая жеребца по шее. – Посмотрим, насколько далеко нам удастся зайти. Мы возвращаемся в Табун, и нам бы очень хотелось, чтобы ты пошел с нами. – Она потрепала его напоследок и вернулась к своей кобыле.

Анджо не медлила ни секунды: благодаря их связи она в точности поняла, что нужно ее Всаднице, и согнула передние ноги, чтобы Ривер могла на нее сесть. Ривер толчком развернула Анджо, и они пересекли ручей и поднялись по пологому берегу к границе леса.

Перед тем, как выехать на необозримый зеленый простор, Ривер внимательно вгляделась в небо, прислушиваясь к своим обостренным чувствам, и не обнаружила признаков опасности. Она обернулась. Призрак держался всего в нескольких футах от них и наблюдал, насторожив уши. Ривер показалось, что в его больших карих глазах стоит печаль.

– Пойдем с нами, красавчик, – подбодрила она его. – Пойдем с нами домой.

Она прищелкнула языком, но Анджо, сделав пару шагов, остановилась и всхрапнула, глядя на самый край редколесья.

Ривер была достаточно опытна, чтобы не понукать лошадь. Анджо была чем-то обеспокоена – она не боялась, но что-то рядом с ними ее тревожило. Призрак вдруг оказался рядом и встал перед Анджо, не давая ей пройти вперед.

– Да что с тобой...

И тут она их увидела. Часть стаи метнулась от густого кустарника к поваленному дереву и затаилась там в ожидании.

– Йоти!

Ривер задрожала. Внешне йоти напоминали собак размером со взрослого кролика. Поодиночке эти зубастые агрессивные зверьки могли докучать, но в целом были неопасны. Но йоти никогда не ходили поодиночке. Они путешествовали огромными стаями в двадцать пять, а то и тридцать особей. Хотя даже такое количество йоти не могло причинить серьезного вреда лошади – и даже годовалому стригунку, – лошади были их излюбленной добычей, поэтому они изобрели свой способ охоты.

– Тут повсюду норы!

Теперь, зная, что йоти рядом, Ривер без труда различила их норы. Вся прерия перед ними была изрыта ямами, которые они с Анджо не могли заметить, пока мчались к обманчиво безопасному лесу.

По спине Ривер поползли мурашки. Она посмотрела на Призрака.

– Вот почему ты гнал отсюда Анджо. Ты нас спас. Спасибо! Спасибо тебе! – Призрак, словно все понимая, вскинул голову. – Пожалуйста, пойдем с нами. Обещаю, я о тебе позабочусь – помогу тебе найти своего Всадника. – Она бросила взгляд на небо и добавила: – Нам пора идти. Нам и без того придется возвращаться в сумерках – задерживаться нельзя.

Она позвала Анджо, и кобыла зашагала вперед, осторожно обходя ловушки йоти.

Когда смертельные ямы остались позади, Анджо перешла на ровную расслабленную рысь. Они не торопились, чтобы не перегружать ее молодые суставы и связки, и должны были вернуться в Табун к закату. Призрак рысил рядом – но лишь до тех пор, пока Анджо не свернула к весенней стоянке Табуна. Когда они повернули, жеребец метнулся в противоположном направлении. Анджо притормозила, и они с Ривер провожали золотистого жеребца взглядом, пока его силуэт не растворился на фоне темнеющего горизонта.

Ривер чувствовала разочарование Анджо; она и сама его испытывала. Она вздохнула и причмокнула, и кобыла послушно зашагала дальше, хотя еще несколько раз оборачивалась на опустевшую прерию.

– Знаю, – сказала ей Ривер. – Но нельзя же его заставлять. Я расскажу маме о том, что случилось. Может, она...

Анджо заржала и встряхнула гривой, и Ривер охватило ощущение протеста.

Удивленная такой реакцией, Ривер потрепала ее по шее.

– Ладно, ладно. Не хочешь, чтобы я рассказывала о Призраке? Не буду. – Она почувствовала облегчение Анджо и решила, что согласна с кобылой. – Ты права. Пусть это будет наш секрет. Уж не знаю, почему, но он явно не хочет возвращаться в Табун. Так что мы с тобой просто будем его навещать – с морковкой. Может, когда-нибудь он доверится нам, вернется домой и снова станет частью Табуна.

Анджо согласно фыркнула, и Ривер улыбнулась, представляя выражение лица матери, когда они с Анджо вернутся на стоянку в компании золотистого жеребца.

– А говорят, что в Табуне ничего не происходит без ведома Старшей кобылы и ее Всадницы. Ха! Представляю, как все удивятся, когда увидят Призрака, – даже мама и Эхо!

Когда солнце село за горизонтом, они неторопливой рысью вошли в весенний лагерь табуна Мадженти, который раскинулся среди каменных монолитов, отмечавших точки схождения энергетических линий. Эти камни были не так велики и многочисленны, как монолиты на Сборном месте, но в гроте в центре спирали мог разместиться весь табун Мадженти, и, хотя красивые пурпурные шатры с гордо реявшим знаменем Мадженти расположились перед гигантской расселиной, при первых признаках непогоды или хищников Табун – весь до последней лошади – мог отступить под безопасные своды пещеры, а запасы продовольствия и подземная река позволяли жить внутри много месяцев.

Ривер собиралась сразу пойти в отдельный шатер, который она делила с Анджо, – подарок матери на Избрание – но не успела она пройти и пары шагов, как несколько человек поприветствовали их с Анджо («Благослови тебя Мать-Кобылица, Всадница ветра!»), а когда все поняли, что они вернулись со своего первого выезда, вокруг них поднялось радостное волнение.

Она постаралась непринужденно отмахнуться от поздравлений и поторопила Анджо, чтобы скорее добраться до шатра, но прежде чем они успели нырнуть под защиту полога, Ривер заметила несколько Всадниц вокруг центрального монолита. Под предводительством ее красивой и сильной матери они исполняли танец ветра. Под ритмичный бой барабанов они перетекали из одной позы в другую – это развивало силу и гибкость, учило сосредоточиться на

текущем моменте и черпать из него энергию во времена тревог или войн. Анджо сбавила шаг, и они остановились полюбоваться на грациозный танец, поражающий сложностью движений, из-за которой тела танцующих блестели от пота.

Тут мать подняла голову и увидела Ривер и Анджо. Она жестом велела своей второй дочери, Эйприл, занять ее место, а сама заспешила к ним.

– Готовься. Сейчас получим, – пробормотала Ривер Анджо, и та дернула ушами, прислушиваясь.

– Дочь моя! Милая Анджо! – Дон нежно погладила кобылу по носу, и Анджо приветственно заржала. – Вижу, вы вернулись с первого выезда. Да благословит тебя Мать-Кобылица, Всадница ветра.

– Спасибо, мама.

Дон обошла Анджо, придирчиво осматривая ее и ощупывая, чтобы удостовериться, что она в порядке.

– Ну что? – спросила Ривер.

Дон вскинула брови.

– Ты не хуже меня знаешь, что не въехала бы на стоянку верхом, если бы с Анджо что-то было не в порядке.

– Тогда почему ты разглядываешь ее так, будто ищешь какой-то изъян?

– Во-первых, по привычке. Во-вторых, потому что я Всадница Старшей кобылы и заметила, что на твоей лошади ездили, причем на большой скорости, хоть я и вижу, что ты не забыла остудить ее и привести в порядок. – Дон положила ладонь на ногу Ривер. – Что случилось?

Ривер не растерялась и решила, что лучше всего как можно меньше лгать.

– На нас напал летун.

– Мать-Кобылица! Вы не ранены? Если это существо оставило на Анджо хоть одну царапину, яд в будущем может сказаться на ее здоровье. А ты? Он тебя не задел?

Дон принялась осматривать их снова. Наконец Ривер, не выдержав, соскользнула со спины Анджо, взяла мать под руку и повела ее к шатру.

– Мама, все хорошо. Мы не ранены. Мы были у леса, когда он нас заметил. Нам пришлось скакать галопом, но мы успели.

– Поэтому вы так поздно вернулись? Вам пришлось ждать, пока он улетит?

Ривер гордо вскинула подбородок.

– Нет, мы убили летуна. Мы опоздали, потому что я хотела, чтобы Анджо охладила ноги в ручье, а потом я дала ей немного попасться, пока обтирала.

Дон уставилась на дочь и остановилась бы, если бы Ривер не тащила ее за собой.

– Ты убила летуна.

– Я и мощные копыта, – покривила душой Ривер. – А еще мы с Анджо собираемся начать упражняться в метании копья – прямо сейчас.

– Ты убила летуна копьем!

– Ну чему ты удивляешься, мама? Я уже не ребенок. С сегодняшнего дня я официально Всадница ветра.

Дон провела дрожащей рукой по лбу, словно пыталась унять головную боль.

– Ривер, я не сомневаюсь в твоих способностях, но я беспокоюсь за тебя. Вот почему я хочу, чтобы ты прекратила свои одиночные вылазки и всегда брала кого-то с собой. В следующем году завершится правление Эхо. Ты сама знаешь, что Табун видит в тебе и Анджо наше будущее.

– Знаю, мама. Я никогда об этом не забываю – ни на секунду с тех пор, как Анджо меня выбрала. Но год – долгий срок. До Испытания Кобылицы может случиться что угодно. Как знать? Может, Мать-Кобылица нашепчет старейшинам имя другой пары. У Скай и Скаут пер-

вый выезд уже был, и они успели прекрасно сработаться. Может, Мать-Кобылица скажет старейшинам выбрать их.

– Это невозможно. Скай слишком много думает о себе, а Скаут, конечно, славная кобыла, но слишком хрупкая, чтобы стать во главе нового рода. Нет, Ривер. Вы с Анджо победите в Испытании Кобылицы и волей Совета и с моего благословения будете названы Старшей кобылой и ее Всадницей. Если только за этот год с вами ничего не случится. Вот почему ты должна всегда помнить о своих обязанностях перед Табуном и заботиться о себе и своей кобыле.

Ривер остановилась и повернулась к матери.

– Моя обязанность – учиться, получать опыт и становиться мудрой, как моя мать, но я не могу учиться, если меня постоянно контролируют и опекают. Клетка есть клетка, какими бы благими намерениями ни руководствовался тюремщик. И поэтому я говорю еще раз: я не буду ездить с сопровождением. Мне нужно набраться опыта, чтобы мы с Анджо могли доверять самим себе – нашим суждениям и решениям. Пожалуйста, не вынуждай меня прятаться и играть с тобой в глупые игры.

Мудрые каштановые глаза Дон пристально изучали Ривер.

– То есть ты не хочешь поделиться со мной мыслями?

– Вся в мать, – улыбнулась Ривер.

– Вот только твоя мать знала, когда прислушаться к старейшинам и голосу Великой Матери-Кобылицы, который раздается в шепоте степных трав.

– А кто принимает решения за тебя, мама? – без обиняков поинтересовалась Ривер.

Мать явно удивил вопрос, но она ответила не задумываясь:

– Я сама принимаю решения, хотя и ценю мнение окружающих, особенно Эхо. Ты прекрасно это знаешь.

– Знаю. И то, о чем я тебя прошу, ничем не отличается от жизни, которую ты ведешь, сколько я тебя помню. – Ривер мягко коснулась материнской руки. – Ты научила меня думать, прежде чем действовать, и рассматривать любую ситуацию с разных сторон. Позволь мне расти, мама. Я не смогу этого сделать, если ты будешь подавлять мою свободу.

Дон вздохнула.

– Похоже, мне остается только сдаться или превратиться в доброго тюремщика. – Помолчав, она добавила: – Но я хочу, чтобы ты пообещала мне одну вещь.

– Смотря какую.

Мать безмятежно улыбнулась и отвязала один из поясов, лежащих на ее бедрах. Это была нить ограненных камней цвета зимнего неба, которое вот-вот затянут снежные облака. Дон обернула нить вокруг талии дочери и, отступив на шаг, удовлетворенно кивнула.

– Будто для тебя делали. Это твои камни.

Ривер ошарашенно уставилась на пояс – первый в ее жизни. Такие носили только в табуне Мадженти. Пояс из драгоценных камней свидетельствовал о том, что его носительница – Видящая, обладающая способностью пробуждать спящие свойства кристаллов.

– Но, мама, я ведь не Видящая! Я только начала обучение.

Дон указала на пояс, низко сидящий на бедрах дочери.

– Что это за камень?

– Халцедон.

– Его главные свойства?

– Халцедон укрепляет мир и дружеские отношения. Это камень, который заботится о владельце, а в активной форме защищает от враждебности, гнева и тоски. Он пробуждает щедрость, отзывчивость, открытость и желание доставлять радость.

– Очень хорошо. Он потеплел от твоего прикосновения?

Ривер помедлила с ответом, прислушиваясь к непривычной тяжести на поясе, и действительно ощутила тепло, пульсирующее в такт ее сердцебиению.

– Да.

– Тогда я попрошу тебя дать слово, что ты будешь носить его всегда, когда вы с Анджо выезжаете – публично и в одиночку – на поиски опыта, необходимого мудрому лидеру.

Ривер встретила взгляд матери.

– Даю слово, что буду с гордостью носить его не снимая как подарок матери, которая милостью Великой Матери-Кобылицы достаточно мудра, чтобы позволить дочери...

– Учиться и расти, а со временем встать во главе Табуна, – закончила за нее Дон.

– Не все сразу, мама, – сказала Ривер, обнимая Дон.

– Говори что хочешь, но помни: Всадница Старшей кобылы всегда... – она замолчала, ожидая, пока Ривер продолжит традиционные слова.

– *На шаг впереди Табуна*, – закончили они вместе.

Ривер закрыла глаза и расслабилась в материнских объятиях, а в голове у нее стучало, вторя пульсу камней у нее на поясе: «*Не все сразу... не все сразу...*».

Глава 5

Настоящее – река Умбрия

Призыв луны пробудил ночное небо и немного разогнал спящие облака, позволив Мари обработать и перевязать раны Ника, пока Зора передавала ей чистые бинты и мазь из корня золотарника. Самые глубокие раны – особенно на плече и бедре – она бы предпочла зашить, но света было слишком мало, а лодочку качало так, что Мари решила: лучше уж пара лишних шрамов, чем вред, который она может нанести, тыча в Ника иголкой в темноте.

– Похоже, кровотечение остановилось, – заметила Зора, глядя на Ника из соседней лодки.

– Да. По крайней мере, на время. – Мари хмуро оглядела последнюю из перевязанных ею ран. – Но мне очень не нравится, что ему придется грести еще несколько часов.

– Я могу поменяться с Ником местами, – предложила Шена. – Он поместится в нашей лодке. Зора и Роза отлично управляют. Пусть кто-то еще возьмет мое весло, и тогда они точно не отстанут.

– Мне уже лучше, – откликнулся Уилкс из лодки, которая покачивалась по другую сторону от Мари и Ника. – Ник может занять мое место, а я буду грести за него.

– Нет-нет! – возразил Ник. – И прекратите говорить обо мне так, будто я без чувств валяюсь на дне лодки. Я отлично себя чувствую! – Он накрыл ладонь Мари своей. – Обещаю, если я начну терять сознание, ты узнаешь об этом первой.

– Начнешь терять сознание или почувствуешь тошноту, или у тебя закружится голова, или снова пойдет кровь, – с нажимом произнесла Мари.

– Да, конечно. – Он взял ее руку и запечатлел на ней поцелуй. – Обещаю, Жрица Луны.

– Мари, пора трогаться, – встревоженно сказал Антрес, подплывая ближе. – У меня щеко-чет в затылке, а это не к добру.

– Хорошо. Все равно лучше мы сегодня уже не отдохнем, – сказала Мари, возвращаясь на корму лодки.

– Славно! Тогда слушайте. Хотя облака и пропускают немного света, я считаю, лучше оставить лодки связанными – если Жрицы не возражают. – Он перевел взгляд с Зоры на Мари.

– На воде я с удовольствием передам бразды правления в твои руки, – сказала Зора.

– Я тоже не в своей стихии, – добавила Мари. – Будем делать так, как ты скажешь, Антрес. Наемник кивнул и повысил голос, чтобы его слышала вся Стая.

– Для большинства из вас предстоящее в новинку, так что сегодня ночью отвязываться друг от друга мы не будем. Но не затягивайте узлы слишком туго, а если у кого-то возникнут проблемы или кто-то отстанет, тут же зовите. Проще помочь вам до того, как вы перевернетесь или лодку снесет в сторону. Понятно?

Стая согласно забормотала.

– Отлично. К первому препятствию мы доберемся около полуночи. В обычной ситуации я бы подождал до рассвета, прежде чем переправляться через руины моста, но я хочу оказаться подальше от этого места как можно скорее. Так что, вне зависимости от того, будут к нам благосклонны облака или нет, я предлагаю зажечь факелы и пройти Штатский мост сегодня. Неподалеку от него есть отличное место, где можно причалить к берегу и отдохнуть до рассвета.

– Я никогда не плавал по Умбрии, – сказал Ник. – У разрушенных мостов такие же оттоки, как на Увилке у Города-Порта?

Вопрос был логичным, но Мари услышала в его голосе напряжение и поняла его. Именно такой отток вынес его к ней – и чуть не убил.

– Нет. На Умбрии есть вещи похуже оттоков. Но сегодня об этом можно не беспокоиться. Штатский мост обвалился в трех точках. Если пройдем между ними, бояться нечего. Но все должны держаться рядом.

– Можно зажечь факелы сейчас? – спросила Зора. – Думаю, все немного взбодрятся, если мы будем лучше видеть.

– Мы все еще близко к Племени, – покачал головой Антрес. – Не забывайте, что на воде факелы будут привлекать внимание и превратят нас в отличную мишень. Мне будет спокойнее, если мы подождем до моста и зажжем факелы уже у руин.

– Могу я сказать? – раздался нежный голос Голубки.

– Конечно, – кивнула Мари. – Каждый член Стаи волен высказывать свое мнение.

Даже в полумраке было видно, как просветлело лицо Голубки.

– К такой свободе я буду счастлива привыкнуть. Я хотела сказать, что полностью согласна с Антресом. Не привлекайте к нам внимание Бога. Он непредсказуем и переменчив; в одну минуту Он щедр и милостив, а в другую полон жестокости. Я думаю, Он расставит по территории Племени часовых, и если они заметят на реке огни, тут же доложат об этом. А я уже успела убедиться, что Ему всегда нужно больше, больше, больше.

– А значит, последнее завоевание Его не насытит, – мрачно подытожил Ник.

– По крайней мере, ненадолго, – сказала Голубка.

Мари поняла, что ей тяжело говорить. Снова и снова она вспоминала гигантский силуэт на холме и глаза, обжигающие ее взглядом. Она была уверена: то, как Он вскинул копьё, как заревел, было как-то связано с ней.

– Значит, никаких факелов, – вздохнула Зора.

– До тех пор, пока мы не будем вынуждены их зажечь, а к тому времени опасность останется далеко позади, – согласился Ник.

– Только эта опасность, – напомнил им Антрес. – Есть и другие, из-за которых мы не всегда сможем двигаться ночью. Иногда даже в темноте нельзя будет зажигать факелы. Так что привыкайте держаться рядом – так, чтобы *всегда* видеть остальных и самим быть на виду.

– Стая! Я хочу, чтобы все это понимали. – К Мари вернулся дар речи, и она встала в лодке, осторожно балансируя. – Это не банальность, а факт: мы сильны настолько, насколько силен слабейший из нас. Мы переживем это путешествие, но только в том случае, если будем работать вместе и держаться друг друга. Вы понимаете?

– Да, Жрица Луны!

– Я горжусь вами. Каждым из вас. – Мари обвела взглядом маленькие лодки, освещенные луной. – То, чего вы достигли, невероятно. Но мы пойдем еще дальше – день за днем, пока не найдем новый дом и не создадим новый мир. Веди нас, Антрес!

Стая разразилась радостными криками, и Антрес, просияв, взялся за весла первой из длинной вереницы лодок.

* * *

Мари быстро уловила ритм и стала грести в унисон с Ником. Они все так же замыкали цепочку лодок, но ее это не беспокоило. Они двигались медленно, но верно, а освоившись с веслом, Мари смогла даже смотреть по сторонам.

Прежде всего ее поразило, какой пугающей была река. Антрес вывел их на самую середину водного пространства. Несколько дней назад он объяснил, что им предстоит плыть вверх по течению до Потерянного озера, и Мари знала, что им придется бороться с водным потоком. Но она и не предполагала, насколько широкой была река. Несмотря на серебривший воду лунный свет, берега с трудом можно было различить.

Она никогда не плавала на лодке ночью. На самом деле Мари вообще никогда не плавала на лодке и теперь вдруг остро затосковала по земле и знакомому уюту норы, и ее мысли обратились к матери.

«Вот бы мама была с нами! Она была бы в восторге – и гордилась бы нами».

Она вдруг вздрогнула, осознав, что обращенные к Стае слова о том, что она гордится ими и что они выживут только вместе, могла бы произнести – *произнесла бы* – Леда, и ощутила прилив бередящей память радости.

«Спасибо, мама, – мысленно обратилась она к Леде. – Спасибо, что научила меня ответственности, присущей лидеру, – хоть я и не верила, что когда-нибудь стану Жрицей Луны».

С балластного плота справа от лодки раздалось поскуливание: Ригель почувствовал ее смятение. Она мысленно встряхнулась.

– Не волнуйся, малыш. Все хорошо. Это просто большая лужа воды.

– Да уж, – буркнул Ник. – Здоровенная.

Она легонько ткнула его в спину веслом.

– Ты же много раз бывал на реке.

– Но не на такой. Хотя вообще-то это неважно. Я ненавижу все реки одинаково.

– Ненавидишь? Серьезное заявление.

– Зато честное. Сказать по правде, я ненавижу любые водоемы, если в них не видно дна.

– Ты бы предпочел встретиться со свежевателями? – бросил через плечо Дэвис.

– Я бы предпочел не иметь никаких дел ни с тем, ни с другим.

Дэвис хохотнул.

– Взгляни на это с другой стороны. Какие бы чувства ты ни испытывал к реке, она уносит нас подальше от свежевателей.

– И Тадеуса, – добавила Мари.

– Это верно, – согласился Ник. – Если выбирать между рекой и Тадеусом, я за реку.

– Вот видишь! Во всем есть положительные стороны, – сказал Дэвис.

– Днем будет полегче, – сказала Мари.

– О да. Днем мы хотя бы будем видеть, *что* нас убивает, – буркнул Ник.

– Эй, Джексом! Как там Фортина? – сменила тему Мари.

– Лучше и быть не может!

Мари видела, что самочка наконец слезла с коленей спутника, чтобы ему было удобнее грести, но продолжала к нему жаться.

– Я рад, что она выбрала тебя, – к удивлению Мари, сказал Ник. – Я видел, как с ней обращается Маэва. Я понимаю, что Маэва была больна, но это не оправдывает ее. Уилкс и Клаудия тоже были заражены, но они не вымещали злость на своих спутниках. Закон сурово наказывает тех, кто плохо обращается с собаками. Как же низко пало Племя, если Маэва без зазрения совести била и обижала щенка на виду у всех!

– Это все Тадеус, – сказал Дэвис. – Его ненависть заразительна, хотя я не понимаю, как можно предпочесть ненависть счастью.

– Он думает, что власть принесет ему счастье, – сказала Мари. – И по какой-то причине многие в Племени тоже в это верят, так что у него хватает последователей.

– Маэва делала ей больно, – донесся до Мари голос Джексома. – Не столько физически, хотя я знаю, что она била мою Фортину... – Он осекся и прокашлялся, собираясь с духом, прежде чем продолжить: – Но сильнее всего была душевная боль. Фортина не понимала, что она делает не так – почему спутница ее ненавидит.

– Маэва поддалась гневу после гибели отца, – сказал Ник. – Ей нужно было найти виноватого. И Тадеус ей в этом помог.

– Ей стоило бы винить Тадеуса, – фыркнула Мари и с силой ударила веслом, вымещая раздражение на воде. – Это была его вина.

– Гнев делает с людьми странные вещи, – сказал Ник.

– Дело не может быть только в этом, – возразила Мари. – Я просто кипела от гнева, когда вошла сегодня в Город-на-Деревьях. В жизни не испытывала такой злости. Но я не чувствовала ненависти. Мне жаль, что нам пришлось оставить с Тадеусом Ралину и тех, кто кажется хорошими людьми.

– Я знаю, что такое гнев, – начал Джексом робко, но с каждым словом его уверенность росла. – Все мужчины-Землеступы знают. Как по мне, для того, чтобы превратить человека в озлобленное чудовище, какими вы описываете Тадеуса и его людей, одного гнева мало. Для этого нужна ненависть к себе и самообман. Я сопротивлялся болезни свежевателей – гневу и ненависти, которые меня отравляли. Но не все пытались бороться. Помнишь Джошуа, Мари?

– Помню, – сказала Мари. Именно Джошуа вместе с Брадоном и Джексом под влиянием болезни свежевателей напал недавно на Зору. – Джошуа был одним из двух Землеступов, которых Ник убил, защищая Зору, – объяснила она Дэвису и Нику.

– Так вот, заражены были мы все. Думаю, Брадон пытался сопротивляться болезни, как я, а вот Джошуа сдался быстро. Он как будто наслаждался растущим гневом. Он выследил Зору. Я говорю это не для того, чтобы снять с себя ответственность. Я всю жизнь буду искупать то, что чуть не сотворил. Но ты помнишь, каким Джошуа был до болезни?

– Я плохо его знала, – сказала Мари. – Но я помню, что мама его отчитывала: он жульничал в игре в нетбол.

– Да так, что никто больше не хотел брать его в команду, – закивал Джексом.

– Нетбол? – переспросил Ник. – Что еще за нетбол?

– Это игра, в которую играют в Клане, – пояснил Джексом. – Я могу объяснить тебе правила, когда мы высадимся на берег и у нас будет свободное время.

– Было бы здорово!

Слова молодого Землеступа пробудили в Мари целительницу.

– Погоди-ка, Джексом. Хочешь сказать, от того, каким был человек до болезни свежевателей, зависит, как она повлияет на него? Нужно будет записать это в мой дневник.

– Интересная теория, – сказал Дэвис.

– Будем надеяться, нам не придется ее проверять, потому что отравленный город остался позади, – сказал Ник.

– Не река, а настоящий подарок, правда, Ник? – ухмыльнулся Дэвис.

Ник фыркнул, и Мари снова легонько ткнула его веслом. Ник шутливо отбил выпад. Она с облегчением улыбнулась: если бы рана открылась и кровотечение возобновилось, он бы не размахивал рукой так смело.

Они замолчали и снова сосредоточились на гребле. Мари размышляла над словами Джексома. В них был смысл. Уилкс и Клаудия заразились – в точности как Тадеус. Но они остались собой – да, они были больны и слабы, но они не поддались ненависти и злобе, как Тадеус. Зора тоже подхватила заразу, но, хотя и стала раздражительнее, сохранила рассудок и осталась их Зорой.

– Ник, ты ведь знал Охотников и Воинов, которые в тебя стреляли? – спросила Мари.

– Само собой. Я с ними вырос. Но из Воинов в меня стрелял только один – Максим. Остальные были Охотниками.

– Каким был Максим до заражения?

Ник на секунду перестал грести, раздумывая над ответом.

– Заносчивым. Помню, все потешался над терьерами. Называл их миниатюрными песиками, не псами, и натравливал на них свою овчарку. Выходит, Джексом прав. Хотя Маэва мне всегда нравилась. Она изменилась после смерти отца.

– Может и нет. Мне она не понравилась сразу, – призналась Мари. – Прости, Ник, но в ту ночь, когда я встретила ее и твоего отца, она вела себя холодно, отстраненно – совсем не так, как Сол.

– Это подтверждает теорию Джексома, – кивнул Ник.

– Эй там, в лодках! – прервал их голос Антреса.

Мари сощурилась, пытаясь разглядеть в темноте лодку наемника.

– Мы идем замыкающими, но не отстаем! – крикнул ему Ник.

– В круг! – скомандовал Антрес.

Им понадобились считанные минуты, чтобы согнать покачивающиеся на воде лодки в неровный круг. Антрес и Данита выплыли на своем каноэ в центр. Мари с удовольствием отметила, что Данита уверенно повторяет движения Антреса и уже выглядит заправской лодочницей.

– Видите железяки, которые торчат из воды? – Антрес указал вперед.

Небо все еще было затянуто облаками, но они проплывали мимо луны, как призраки, и не мешали лунному свету. Когда легкий ветерок отогнал их в сторону, Мари разглядела недалеко от берега две массивные выступающие из воды глыбы. Почти посередине широкой реки торчал третий обломок, хотя эта часть моста, похоже, перевернулась на бок и превратилась в зловещую, влажно поблескивающую ржавую стену.

По Стае прокатился тревожный ропот: препятствие явно не осталось незамеченным.

– Главное, не теряйтесь. Эти обломки с виду опасны, но на самом деле ничего сложного тут нет. Давайте зажжем факелы.

Стая начала доставать длинные копьеобразные палки. Дэвис обратился к Мари и Нику:

– Посмотрите в лодке. Ваш должен быть там.

И действительно, пошарив рукой по дну лодки, Ник отыскал факел. Один его конец был обмотан тканью, пропахшей старым кроличьим жиром. Другой конец был обмотан пеньковой веревкой.

– Зора, у тебя, кажется, было огниво? – спросил Антрес.

– Да!

– Пусти его по кругу. Пусть каждый зажжет факел и привяжет его веревкой к корме.

– Корме? – переспросила Мари.

– Задняя часть твоей лодки, Мари, – пояснила Данита.

– Именно. Молодец, что запомнила, Данита, – сказал Антрес.

Спутница Антреса, Баст, издала свой странный кашляющий звук, который означал, что она довольна, и Мари усмехнулась. «*Эта рысь определенно выбрала Даниту в пару Антресу!*» А по улыбке на лице юной Землеступки Мари поняла, что Даниту этот выбор уже не пугает.

Мари с гордостью оглядела лодки. Даже в темноте, посередине коварной реки, ее Стая работала слаженно. Не прошло и несколько минут, как каждая лодка оказалась в плавучем кругу света.

– А теперь сделайте вот что, – сказал Антрес. – Во-первых, ослабьте узлы на лодках. Можно не отвязываться полностью, но постарайтесь не отставать друг от друга больше, чем на два корпуса. Я буду командовать. Те, кто не гребет, пусть помогают соседям по лодке и считают вместе со мной. Мимо руин мы пойдем колонной по одному, немного правее от середины реки. Рядом с мостом будут буруны. Что бы ни случилось, *не прекращайте грести*. Пока вы движетесь вперед, у лодки меньше шансов набрать воды и перевернуться. Вопросы?

– Что делать, если кто-то попадет в беду? – дрожащим от ужаса голосом спросила юная Спенсер.

– Главное, не паниковать. Все вы умеете плавать – помните об этом. И потом, я буду за вами приглядывать. Сохраняйте спокойствие и не теряйтесь, и у вас все получится.

– Это я могу, – храбро кивнула Спенсер.

– Мы с тобой, – сказал Мэйсон. Они с Клаудией и Уилксом, которые явно чувствовали себя лучше, были в одной лодке со Спенсер.

– Верно. Мы с Уилксом тоже будем грести. Все будет хорошо, – успокоила ее Клаудия.

– Я вырос на реке, – добавил Уилкс. – Мы справимся. Это страшно, особенно в темноте, но вместе у нас все получится.

– Клаудия подала отличную идею, – сказал Антрес. – Все, кто может грести, – гребите. Слушайте мой голос и не выбивайтесь из ритма. Понятно?

Они согласно загудели.

– А что делать, когда мост останется позади? – спросила Зора.

– Грести дальше. Я скажу, когда можно будет остановиться. Нам нужно отплыть подальше от моста и опасного течения, которое может утянуть на дно. Так что будьте внимательны и помните: мы не закончили, пока *все* не проплыли мимо моста.

– Понятно! – сказала Зора; остальные нервно закивали.

– Объясните псам, что им нужно опуститься пониже и крепче держаться на плотках, – продолжил Антрес. – Думаю, овчарок можно привязать. Дэвис, Роза – спрячьте терьеров под скамейками. Я дам вам несколько минут, чтобы подготовиться. – Выгнув бровь, он посмотрел на Баст. – А тебе советую спуститься и покрепче впиться этой лодке когтями в пузо.

Рысь фыркнула, но изящно спрыгнула со своего насеста на носу и пристроилась у ног Даниты.

Мари и Ник вместе с остальными Псобратями быстро привязывали овчарок веревками к плотам.

– Держите ножи под рукой, – сказал Ник. – Если с плотом что-то случится, нужно будет перерезать веревку, чтобы собака могла выплыть.

Внутри у Мари все сжалось, но она подавила страх, не желая, чтобы Ригель почувствовал ее беспокойство.

– Ты готов, малыш? – спросила она овчарку.

Дважды гавкнув, он энергично застучал хвостом по плоту, и его энтузиазм разделили остальные овчарки.

– Не похоже, чтобы они боялись, – сказала Мари Нику.

– Овчарки отлично плавают, – пояснил Ник. – Гораздо лучше нас. Если они и беспокоятся, то только из-за нас. Или терьеров.

– Погоди. Терьеры не умеют плавать?

– Умеют. – Дэвис деловито заталкивал Кэмми под скамейку. – Но не очень хорошо и не очень долго.

– А молодые овчарки? – спросил Джексон с тем же страхом, с которым боролась Мари.

– Очень маленькие овчарки и терьеры умеют плавать, но плохо. Но за Фортину можно не беспокоиться. Она уже большая и сильная девочка. Не бойся, Джексон. С ней все будет хорошо.

Дэвис потрепал Фортину по холке. У их лодки не было балластного плота, так что она лежала под его сиденьем и выглядывала оттуда с щенячьей ухмылкой.

– Все готовы? – спросил Антрес.

Дружное «Готовы!» разнеслось над водой.

– Тогда пошли! И раз! И раз! И раз!

Стая подстроилась под заданный ритм, и ночь огласилась ритмичным счетом.

Лодка Антреса и Даниты была головной. За ними следовала одна из самых больших лодок, в которой разместились О’Брайен, Дженна, Сара, Лидия, Лили и Голубка. Мари то и дело вытягивала шею, поглядывая на них. За исключением слепой Голубки, гребли все – даже Лидия. Мари мысленно напомнила себе проверить ожоги у нее на спине, когда они остановятся

на ночь. Взглянув на них еще раз, она заметила, что Голубка пусть и не гребет, вторит Антресу сильным и чистым голосом.

Мари видела, как лодки, подхваченные течением, зарывались носами в воду и даже немного раскачивались, но, оказавшись по ту сторону моста, быстро выправлялись и стрелой вырывались вперед.

Когда с их стороны осталось всего три лодки, Мари заметно успокоилась. Они подплыли ближе к обломкам моста и сбавили темп, чтобы перевести дыхание и подготовиться.

– Мы следующие, – сказала Зора, нервно оглядываясь на Мари.

– У вас все получится, – подбодрила ее Мари. – Главное, берегите щенков.

– Хлоя никуда не денется. – Зора похлопала по упитанному бугорку в кармане на груди.

– А остальные щенки у меня, – сказала Роза. Она разместилась прямо на дне лодки вместе со своей терьерихой Фалой и четырьмя щенками, которые уютно устроились рядом.

– Мы справимся, – сказала Шена. – Просто считайте вместе со мной.

– Все будет хорошо, – поддержал Дэвис. Их с Джексом лодка шла сразу за лодкой Зоры и Шены.

– Готовы? Пошли! И раз! И раз! И раз! И раз! – закричала Шена, и они начали грести, подстраиваясь под заданный ею ритм.

Дэвис и Джексом выждали, пока те удалятся на два корпуса, а потом Дэвис подхватил счет Шены, и их лодка устремилась вперед.

– Наша очередь. – Ник обернулся на Мари.

– Я готова.

Она вовсе не была готова, но обтерла вспотевшие ладони о штаны, взялась за весло покрепче и стала ждать команды.

Но команды не последовало. Вместо этого они слышали панический крик.

Кричала Роза. Когда лодка Шены и Зоры приблизилась к развалинам моста, перед ними внезапно оказалось бревно. Вынырнув из водоворота, оно врезалось в лодку, и та, опасно закачавшись, вильнула в сторону.

– Не останавливайтесь!

Крик Антреса слился со вторым воплем Розы, и Мари увидела, как она пытается *встать*!

Молодая женщина цеплялась за борт лодки, когда та нырнула вперед и чуть не перевернулась. Роза указывала назад, в темные пенистые воды, и кричала:

– Щенок! Щенок выпал! – Тут Розе пришлось схватить Фалу, которая попыталась выпрыгнуть из лодки за щенком. – Помогите ей! – взвизгнула Роза. – Спасите ее!

– О Богиня, нет! – ахнула Мари, увидев, как крошечная щенячья головка погружается в воду и выныривает снова: детеныш храбро пытался удержаться на плаву.

– Продолжай грести, Мари, – сказал Ник. – Попробуем подплыть ближе и бросить сеть.

– Я ее достану! – закричал Джексом и, прежде чем кто-то успел среагировать, выпрыгнул из лодки и поплыл к барахтающемуся щенку.

– Я должен грести! – завопил Дэвис, перекрикивая истерическое поскуливание и жалобный лай Фортины, которая, тяжело дыша, вскочила с места с таким видом, словно вот-вот кинется за спутником сама.

– Останови ее, Мари! – закричал Ник. – Не дай Форте прыгнуть за ним.

Мари быстро сосредоточилась и направила Форте поток успокаивающих мыслей, а потом представила, как Джексом целый и невредимый сидит в лодке. Она чувствовала панику молодой овчарки, но прыгать в пенистую воду та не стала.

– Мне нельзя останавливаться! – заорал Дэвис, когда его лодку подхватило течение. – Я должен грести!

– Она у меня! – крикнул Джексом.

– Сюда, Джексом! – позвала Мари. – Плыви к нам!

Джексом развернулся и направился к ним. К счастью, течение у моста их еще не подхватило, а Джексом был хорошим пловцом. Он доплыл до них, и его бы снесло дальше, но Мари протянула ему весло.

– Хватайся!

Он ухватился за весло, и Мари потянула его на себя, подтаскивая к лодке.

– Возьми ее, – выдохнул Джексом, одной рукой цепляясь за весло, а другой почти забрасывая в лодку насквозь промокшего щенка. Оказавшись в лодке, дрожащая малышка сжалась у ног Мари, поскуливая и кашляя.

– Есть! Твоя очередь.

– Нет. Я вас переверну. Дай мне веревку.

– Но, Джексом, тебе нужно...

– Он прав, – перебил ее Ник. – Течение слишком сильное, а лодка маленькая. Она перевернется, если он попытается залезть. Держи, Джексом. – Ник кинул ему веревку. – Обвяжись вокруг груди. Мы потянем тебя за собой. Главное, держи ноги как можно ближе к поверхности – не под лодкой. Рядом с такими руинами под водой всегда полно обломков.

– Понял, – крикнул Джексом, барахтаясь в воде и обвязывая себя веревкой. Цепляясь за борт, он перебрался к корме. Там он ухватился за лодку покрепче, болтая ногами, чтобы удержаться на поверхности.

– Мы в потоке. Гребь, Мари! И раз! И раз!

Мари выбросила из головы все мысли, сосредоточившись на одном только голосе Ника и ритме гребли. Она стиснула весло и вложила все силы в борьбу с водным потоком, который норовил утянуть их в сторону. Ей хотелось обернуться и проверить, на месте ли Джексом – хотелось убедиться, что они не тащат под водой его мертвое тело, – но если бы она обернулась, если бы засомневалась, то они с Ником перевернулись бы и присоединились к Джексому в бурлящей черноте.

А потом вдруг стало легче! В какой-то момент Мари поняла, что сражается с обычным течением, а металлические обломки остались у них за спиной.

Первым делом Мари проверила плот Ригеля. Пес был на месте – мокрый, но целый и невредимый. Его отец, Лару, промок еще сильнее, но тоже сидел в лодке.

– Джексом? – позвала Мари и попыталась обернуться, не переставая гребти.

Секунда тишины, а потом на поверхности показалась голова Джексома. Он закашлялся, отплеываясь.

– Я тут! – выдохнул он. – Я еще тут!

– Держись, мы скоро догоним остальных, – сказал Ник.

Плечи Мари горели, а мокрые от пота и речной воды ладони болезненно пульсировали в такт сердцебиению, но она, не поднимая головы, продолжала гребти, слушая голос Ника.

– Все, все, стой, – наконец сказал он.

Пытаясь отдышаться, Мари отложила весло и развернулась. Джексом крепко держался за веревку, которой был привязан к лодке.

– Он ее достал? Она жива? – закричала Роза, едва они нагнали Стаю.

– Она цела, – сказала Мари. – Джексом ее спас. Она у меня.

– О, спасибо! Спасибо тебе, Джексом! – воскликнула Роза, а потом без сил опустилась на дно лодки и, рыдая, заключила Фалу в объятия.

– Где Джексом? Он жив? – спросил Антрес, быстро подплывая к Мари и Нику.

– Он с нами. По-моему, нахлебался воды, но определенно жив, – сказал Ник.

– Я тут! – сказал Джексом. В следующую секунду волна накрыла его с головой, и он отчаянно закашлялся.

– Я иду! – крикнул Дэвис, разворачивая свое каноэ к Мари и Нику.

Антрес остановился рядом с ними.

– Джексом, дождись, пока Дэвис откинется на борт, чтобы тебя уравновесить, а потом подтянись – плавно, без резких движений – и забирайся в лодку.

Джексом развязал веревку и с трудом подплыл к Дэвису.

– Готов! – крикнул Дэвис, откинувшись в противоположную от него сторону.

Из последних сил Джексом подтянулся, ухватившись за борт каноэ, и вместе с потоком воды повалился на дно. Фортина кинулась вылизывать его, горестно поскуливая и отчаянно виляя хвостом.

– Тебе крупно повезло, парень, – сказал Антрес.

– Джексом настоящий везунчик, – сказал Ник.

– Это не везение, – прожурчал нежный голос Голубки. – Его благословила Богиня.

Мари удивленно посмотрела на безмятежное лицо Голубки. Факел на корме ее лодки освещал ее мягким светом, отчего Мари – всего на долю секунды – показалось, что от девушки исходит сияние.

«Может быть, – подумала Мари, – может быть, Голубка все-таки видит».

Глава 6

Они перенесли мокрого щенка в лодку Розы, где Фала немедленно принялась вылизывать и успокаивать малышку. После этого Стая вернулась к веслам.

Мари не хватало факелов. Антрес настоял, чтобы они погасили огонь, потому что были слишком близко к городам и оставшемуся за спиной хаосу. Мари не нравилось его решение, но она понимала, что он прав. Кроме того, она не могла выбросить из головы огромную фигуру Бога Смерти. Она не сомневалась, что Он видел ее, и если допустить, что Он и правда захочет ее найти... По коже Мари побежали мурашки.

Лучше уж посидеть в темноте еще пару часов, чем привлечь внимание Смерти.

Но всему был предел. Мари уже обернула ладони полосками ткани, которые оторвала от своей изодранной рубашки, но они продолжали болеть и кровоточить. Она как раз решила позвать Антреса и сказать, что они *должны* остановиться, – ведь если ладони стерла она, то стерли и другие, – когда на одной из лодок впереди вспыхнул огонек, выхватив из темноты маленький поросший кустарником остров прямо перед ними. Он выступал из воды посередине реки. После долгих часов борьбы с течением остров показался Мари самым прекрасным местом на Земле.

Антрес поднял руку.

– Стая! Нам повезло! Это Остров-призрак, названный так потому, что он имеет обыкновение исчезать – особенно по весне. Я надеялся, что к этому времени он уже выступит над водой. Давайте отвязем веревки, а потом по очереди быстро причалим к острову. Тот, кто сидит на носу, выбирается на берег первым и помогает вытащить лодку. Рядом с островом довольно мелко. Видите камни и бревна? – Антрес указал на пологий песчаный берег, усеянный булыжниками и корягами. – Привяжите лодки к ним. А теперь смотрите и повторяйте за мной. Проблем быть не должно: течение здесь спокойное.

Одна за другой их лодки причалили к острову, и, немного потолкавшись, усталые члены Стаи благополучно выбрались на берег.

Лодка Мари и Ника была последней. Выбраться из маленького каноэ на песок было невероятным облегчением. Мари хотелось свернуться клубком между Ригелем и Лару и провалиться в сон. Она огляделась в поисках Антреса, но тут ее внимание привлекла суматоха чуть дальше по берегу: Фала кинулась к Джексому и запрыгала вокруг него с оживленным лаем.

– Все хорошо. Фала благодарит Джексома, – сказал Ник и, взяв Мари за руку, направился к растерянному юноше.

– Привет! Привет, Фала! Я тоже рад тебя видеть.

– Она говорит спасибо, – пояснила Роза, торопливо шагая к ним. Спасенную малышку она держала на груди в лоскуте ткани на манер перевязи, в которой Зора носила свою Хлою.

– О! – Джексом присел рядом с Фалой. – Не стоит благодарности, маленькая мама.

Терьериха разразилась лаем вперемешку с поскуливанием и восторженным сопением, а потом запрыгнула Джексому на руки и принялась с обожанием вылизывать ему лицо. Фортина кружила вокруг них, гавкая и радостно виляя хвостом, как бы говоря: *«Смотрите все на моего чудесного, храброго спутника!»*

Джексом, хохоча и вытирая с лица собачьи поцелуи, поднялся – и тут же оказался в объятиях Розы.

– Спасибо тебе. Мы с Фалой и малышкой у тебя в неоплатном долгу.

И она быстро расцеловала его в обе щеки.

Джексом залился румянцем.

– Вы мне ничего не должны! Я рад, что оказался рядом и смог ее вытащить. Теперь, когда у меня тоже есть спутница, я начинаю понимать, как важны для нас эти собаки. Я знаю, что любой из нас попытался бы спасти Фортину. Это меньшее, что я мог сделать.

– Ты прав. – Зора шагнула к Джексому. – Только когда тебя выбирает собака, начинаешь понимать ту любовь и те узы, которые делают их такой важной частью нашей жизни, но это не умаляет твоего мужества. Спасибо тебе, Джексом.

Глаза Джексома переполнились эмоциями, и Мари вдруг поняла, что впервые со смерти Леды Зора обратилась к нему с участием. Она надеялась, что со временем это поможет юному Землеступу найти в себе силы простить самого себя.

Словно из ниоткуда, бесшумно, как и его рысь, вынырнул Антрес.

– Ты молодец, – обратился он к Джексому. – Но ты сильно рисковал. Утонуть могли вы оба – и ты, и щенок. Роза, проследи, чтобы завтра малыши были привязаны понадежнее.

– У меня уже есть одна идея. Сегодня же начну плести, – сказала она.

– Все успешно высадились? – спросила Мари.

– Да, я всех пересчитал. Никто не потерялся. Пока все идет по плану.

– Было бы здорово разжечь костер – но только если ты считаешь, что это безопасно, – сказала Мари.

– Я не возражаю. Вот почему я так обрадовался, когда увидел Остров-призрак. Мы плыли почти пять часов. Еще через пять часов встанет солнце. Давайте разведем на берегу костер, расставим часовых и отдохнем до рассвета.

От облегчения у Мари закружилась голова.

– Звучит прекрасно! Стая! – закричала она громко. – Собирайте дрова! Разжигайте костер! Мы остановимся здесь на ночь.

Услышав их радостные крики, Мари заулыбалась.

– Отличные новости, – сказал Ник. – Я помогу выгрузить припасы, которые нам сегодня понадобятся. Умираю от голода! Попросить О’Брайена и Дэвиса закинуть удочки и попробовать что-нибудь выловить?

– Я не слишком разбираюсь в рыбалке, но зато знаю, что мы можем накопать клубней стрелолиста и запечь их в углях.

– А как же мое рагу и свежее испеченный хлеб? – спросила Зора.

– Теперь мне хочется тебя расцеловать, – ухмыльнулся Ник.

– Это вовсе не обязательно, – ухмыльнулась Зора. – Достаточно лести и поклонения.

– Если ты сможешь приготовить свое фирменное рагу, да еще и с хлебом, то получишь от меня и то, и другое, о милосердная и могущественная Жрица Луны, – отвесила ей поклон Мари, и они обе захихикали.

– Это будет нетрудно. Я напекла хлеба еще вчера и положила заготовку для рагу в котел, который нашла в повивальной норе. Пусть кто-нибудь принесет котел и повесит его над огнем, пока я набираю воду. Надеюсь, я хорошо завернула хлеб, и он не отсырел.

– Покажи, где лежат твои припасы, и я их принесу, – предложил Ник. – О’Брайен!

– Братишка?

– Сооруди нам очаг, чтобы поставить на огонь рагу Зоры.

– Будет сделано!

Ник быстро поцеловал Мари и вместе с Зорой зашагал к лодкам.

– Нам нужно заварить целебного чаю для Клаудии и Уилкса! – крикнула Мари им вслед.

– Да, конечно. Я захвачу корзины с травами, – отозвалась Зора.

– Жрица Луны?

Мари обернулась и увидела, как к ней застенчиво приближается юная Землеступка.

– Да, Спенсер?

– Я взяла столько медового вина, сколько поместилось в лодку. Как думаешь, уместно ли будет вскрыть сегодня одну из маленьких бочек?

– Да! Это отличная идея – но только маленькую, хорошо?

Спенсер лукаво улыбнулась.

– Конечно, Жрица!

И она кинулась прочь.

– Напиваться сегодня – плохая идея, – заметил Антрес.

– Ты прав, но маленькая бочка – это всего кружка на каждого. Зато те из нас, кому еще не приходилось ночевать на открытом воздухе, смогут расслабиться и, возможно, даже заснуть, – пояснила Мари.

– Твоя правда. Мне пора бы запомнить, как мудра моя Жрица Луны, – сказал Антрес и отвесил ей почтительный поклон.

– Скажи, что имел в виду «жрицы», и ты прощен. Но мы вместе начали этот путь и закончим его, только если будем работать сообща. Так что, если у тебя есть возражения, ты смело можешь их высказать. Я не хочу наступать на те же грабли, что мои предшественницы.

– Не слушая других?

– Да. И полагая, что только мы с Зорой имеем право голоса.

К ним подошли Дэвис и Кэмми. Дэвис тащил охапку хвороста, а Кэмми с гордостью волочил в пасти бревно едва ли не толще его самого; при виде этого зрелища Мари рассмеялась.

– Отличная работа, Кэммчик!

Терьер довольно запыхтел, но бревна не выпустил.

– Мари, думаю, стоит напомнить Землеступам про дорожные плащи, которые они сплели. На острове нет деревьев, чтобы сделать гамаки, но плащи отлично защитят от холода и на земле, – сказал Дэвис.

– Хорошая мысль, Дэвис. Проследи, чтобы все разобрались, как пользоваться плащами, а я проверю Уилкса и Клаудию.

– Мари, было бы неплохо собрать всех вокруг костра, – заметил Антрес.

– Звучит разумно, – кивнула она. – Можешь передать это остальным, Дэвис?

– Конечно! Мы с Кэмми обо всем позаботимся. Пошли, Кэммчик!

Дэвис зашагал по берегу к песчаной отмели, где несколько женщин в компании Мэйсона и Джексона уже начали разводить большой костер.

– Мари! Я должна тебя обнять, чтобы убедиться, что ты настоящая. – К ней бежала Данита; Баст трусила рядом. Девушка схватила Жрицу Луны, прижала ее к себе и прошептала ей на ухо:

– Я так боялась, что вас с Ником схватили.

– У Племени – или, скорее, у Тадеуса – есть дурная привычка недооценивать Ника... и меня тоже. Сегодня я была им за это очень благодарна, – сказала Мари. – Вижу, у тебя хорошо получается управляться с лодкой. Возможно, тебе придется дать мне пару уроков. Ник ненавидит реку, а я пока не определилась, но склоняюсь к почтительной неприязни.

– Конечно, Мари! У меня был хороший учитель. – Данита быстро улыбнулась Антресу. – Я постараюсь стать такой же хорошей наставницей для тебя.

– Спасибо. – Мари украдкой покосилась на Антреса. Тот смотрел на Даниту влюбленным взглядом. Мари прокашлялась. – Гм... Данита, не поможешь мне осмотреть Уилкса и Клаудию?

– Конечно! Но сперва скажи: как ты думаешь поступить с Голубкой и Лили?

– Лили?

– Это подруга Голубки. Она явно была ее служанкой, хотя она, кажется, не хочет, чтобы мы об этом знали. – Данита понизила голос. – Я помогла им вылезти из лодки. Они вон там, где разводят костер.

Мари задумчиво покусала губу.

– Зора приняла их в Стаю, верно?

– Да, но только после того, как Голубка поклялась говорить ей и тебе только правду, – сказал Антрес.

– Значит, они часть Стаи, – твердо сказала Мари. – И это хорошо. Мы можем многому у них научиться. Давайте позаботимся о том, чтобы они не чувствовали себя чужими. Это будет трудно, особенно для незрячей Голубки. Я поговорю с ними при первой возможности и посмотрю, что они умеют.

– Я проверю, все ли лодки надежно привязаны, а потом мы установим порядок дежурства. Ты хочешь назначить часовых сама или выберешь добровольцев? – поинтересовался Антрес.

– Добровольцев. И дежурить мы будем не поодиночке, а как минимум в парах. Чем больше глаз, тем лучше, – решила Мари.

– Да и случайно заснуть сложнее, когда тебе есть с кем поговорить, – сказала Данита. Она почесала Баст под подбородком, и большая кошка громко заурчала. – Мы с Баст будем дежурить первыми.

– Ты не против, если я к вам присоединюсь? – спросил Антрес.

Данита встретила его взгляд. Она не улыбнулась, но выражение ее лица смягчилось.

– Нет, я не против. Но тебе нужно спросить Баст. Ты ведь знаешь, что она сама принимает за себя решения.

Антрес хохотнул.

– О да. Уж я-то знаю.

Баст возмущенно закашляла, но Мари показалось, что в желтых глазах рыси мелькнул лукавый огонек.

– Пошли, Мари. Я отведу тебя к Клаудии и Уилксу. Смотри-ка – Зора и Ник возвращаются с лекарствами и едой!

Мари прошла через оживленный лагерь, кивая в ответ на раздававшиеся отовсюду приветствия.

– Вон в той корзине есть мазь и бинты. – Зора указала на одну из плотно сплетенных корзин. – Как только мы повесим над огнем котел с рагу, я возьмусь за чай для Уилкса и Клаудии.

Мари заметила, как Ник морщится, волоча огромный котел к весело потрескивающему костру.

– О’Брайен! – позвала Мари; кузен Ника бросил в огонь очередную охапку дров.

– Чем могу помочь, Мари?

– Ты можешь проследить, чтобы у твоего деятельного кузена не открылись раны.

– Будет непросто, но я постараюсь! – О’Брайен подмигнул Мари и, подскочив к Нику, взялся за вторую ручку котла и помог дотащить его до костра, где они подвесили на уже вкопанные в землю палки.

– Завари чаю и на Ника тоже, – попросила Мари Зору.

– С маковым соком? – спросила Зора, многозначительно поднимая брови.

– Само собой. – Мари взяла корзину с припасами и направилась за Данитой к образовавшемуся вокруг костра кругу, за которым в компании овчарок молча отдыхали на дорожных плащах Клаудия и Уилкс. – Как вы себя чувствуете? – спросила она и, опустившись на колени рядом с Клаудией, проверила ей пульс.

– Гораздо лучше! – Клаудия остановила Мари и взяла ее руку в свои. – Спасибо, Жрица Луны. Ты спасла нам жизнь.

– Да, Жрица Луны, – низко поклонился ей Уилкс. – Я буду благодарен тебе до конца жизни.

– Я прошу от вас лишь верности, если вы хотите остаться в Стае, – сказала Мари.

– Хотим! – кивнула Клаудия. – Мы решили покинуть Племя еще до нападения свежеша-телей.

Уилкс тоскливо опустил плечи.

– Жаль, что я не понял, что происходит. Может, тогда я бы смог защитить Племя от безумных идей Тадеуса.

– Это были не безумные идеи, – сказала Мари, не отвлекаясь от осмотра. – Это были болезнь и ненависть. Такое ощущение, что они идут рука об руку, пробуждая в людях жестокость и вытесняя сострадание. Иррациональную ненависть победить так же сложно, как веру в то, что одни люди лучше других из-за цвета кожи или из-за того, где они предпочитают жить и каким богам поклоняются. Вы сделали то, что могли: вы сбежали. Вы не в ответе за заблуждения целого народа.

Уилкс тяжело вздохнул и поднял руку, чтобы Мари могла заменить мокрую от воды повязку и обработать раны мазью.

– В Племени остались и хорошие люди. Я в это верю.

– И не зря. Я знаю, что это правда. Ралина – одна из них. Жаль, что она не согласилась к нам присоединиться, но она решила, что ее долг – быть с Племенем.

– Она совершает ошибку, – сказала Данита, передавая Мари чистые бинты.

– О чем это ты? – спросил Уилкс. – Она наша Сказительница. Племя почитало ее много лет. Я понимаю, почему она осталась. Чтобы запечатлеть происходящее в слове – и сохранить в людях остатки доброты.

– Я это понимаю, и все же она совершает ошибку, – продолжила Данита. – Хорошие люди не делают лучше таких, как Тадеус. Они или гибнут, или уподобляются им. Иногда – особенно если ненависть настолько сильна – единственный выход заключается в том, чтобы позволить ненависти самой себя уничтожить, отделив ее от порядочных людей. Ненависть похожа на болезнь. То, что нельзя вылечить, нужно изолировать.

– Боюсь, я согласна с Данитой, – вздохнула Клаудия.

– Я была там, – сказала Мари. – Я видела, как Тадеус скормливает Племени заблуждения вместе с отравленным мясом. Тадеуса и таких, как он, нельзя вылечить. Я пыталась. Я спросила, хотят ли они выздороветь. Уилкс, им *нравится* эта ненависть. Они получают *удовольствие*, унижая других, чтобы возвыситься самим. Я тоже согласна с Данитой. Их нужно изолировать и игнорировать, чтобы они больше никого не заразили.

– Но я сочувствую Ралине. Она хороший человек, – сказала Клаудия.

– Может, она найдет способ сбежать. Она знает, куда мы направляемся? – спросила Данита.

– Нет. Мы с Ником сказали только, что создали Стаю и уходим на новое место. Но я очень надеюсь, что Ралина и те, для кого любовь и доброта еще что-то значат, смогут сбежать. – Она поймала невеселый взгляд Уилкса. – Если Ралина и те, кто ее поддержит, нас найдут, мы с радостью примем их в Стаю. – Она оглянулась и увидела, что Зора вешает под котлом на огне котелок поменьше. – Чай скоро будет готов. Вы быстро восстанавливаетесь, но вам нужен отдых. Выпейте чаю. Съешьте по полной миске рагу и ложитесь спать. Завтра мы с Антресом перераспределим лодки перед отправлением.

– Я готов грести, – сказал Уилкс.

– И я, – кивнула Клаудия.

Овчарки рядом с ними завиляли хвостами, подтверждая слова своих спутников.

– И мы это знаем. – Мари положила руку на плечо Клаудии. – Но, когда в нашей Стае кто-то ранен, остальные помогают ему – и в этом наша сила. – Она замолчала: в голову ей вдруг пришла одна мысль. – Впрочем, кое-что вы действительно можете сделать.

– Что угодно! – сказал Уилкс.

– Вы уже знаете, что Фортина выбрала Джексома в спутники.

– Конечно! Я уже говорил Нику, что слышал о таком, чтобы пес оставил своего спутника. Хотя это бывает редко, и обычно собака погибает, потому что отказывается есть или выбирать другого спутника. Ты хотела, чтобы я поговорил об этом с Ником?

– И это тоже. Не обязательно сейчас, да я и сама не отказалась бы послушать. Но попросить я хотела о другом. Племя празднует, когда щенок делает выбор, не так ли?

На лице Уилкса мелькнуло понимание.

– Так и есть. И наш свежеиспеченный спутник должен это увидеть. Мари, не поможешь мне подняться?

– Конечно!

Мари помогла Уилксу встать на ноги, а Данита протянула руку Клаудии. Медленно и осторожно они в сопровождении Одина и Марии приблизились к потрескивающему костру.

Мари подняла руку, и болтовня стихла, а все внимание обратилось на нее. Ник и Лару присоединились к ним вместе с Ригелем.

– Джексом! Подойди, пожалуйста, – позвала Мари.

Джексом вышел из тени у лодок, где они с Антресом проверяли узлы. Фортина семенила за ним. Под обращенными к нему взглядами он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Уилкс хочет тебе кое-что сказать.

Уилкс медленно подошел к Джексому. Хорошенько прокашлявшись, он наклонился и положил руку на мягкую шерсть Фортины.

– Джексом, эта овчарка выбрала тебя своим спутником. Это большая честь и еще большая ответственность, ибо эти узлы связали вас навсегда. Ты согласен принять ее и любить до конца ее жизни и после смерти, если того потребует Солнце?

– Да! Хотя я мало знаю о вашем Боге.

– Я отвечу на любые твои вопросы, – сказал Ник.

– Спасибо, – сказал Джексом. – Огромное спасибо. Я даже не подозревал, что могу испытывать такое чувство единения.

– Мы тебя понимаем. – Мари улыбнулась сквозь радостные слезы.

– Еще как, – прибавила Зора.

– Итак... *Стая! Щенок сделал выбор!* – раздался ликующий крик Уилкса.

– Щенок сделал выбор! – подхватили Псобратья, а их собаки, все до единой, включая малышей Фалы, задрали к небу морды и радостно завывали.

– Да благословит Солнце ваш с Фортиной союз! – Ник первым выступил вперед и пожал Джексому руку, и его примеру последовали все Псобратья, а за ними и Землеступы.

Мари с гордостью смотрела, как Стая принимает Джекса и его овчарку.

«О мама, надеюсь, ты это видишь...»

Глава 7

Мари направилась к границе круга, образовавшегося вокруг ярко пылающего огня, где Данита разместила Голубку и Лили, но путь к ним занял больше времени, чем она рассчитывала. Как она и подозревала, не только она пострадала от длительной гребли, поэтому ей пришлось, заручившись помощью Дженны и Изабель, обработать больные ладони мазью и объяснить каждому, как важно забинтовать с утра руки и тщательно следить за их состоянием, пока потрескавшаяся кожа и кровавые волдыри не превратятся в твердые мозоли.

Почти все были в приподнятом настроении, особенно когда огонь запылал ярче, а Спенсер раздала кружки с медовым вином. Умиротворенные голоса объединялись с ароматами бурлящего рагу, создавая иллюзию дома. Наконец Мари в сопровождении Ригеля добралась до Голубки и Лили. Они сидели в общем кругу и в то же время находились вне его. Никто не поддерживал с ними беседы. Впрочем, они потягивали мед, а значит, кто-то его принес – скорее всего, Спенсер. Сидели они на плетеных ковриках, и кто-то поделился с ними тяжелым конопляным одеялом, но остальные их словно не замечали.

Приблизившись к ним, Мари заметила, что Лили что-то шепчет Голубке, и догадалась, что девушка служит ей глазами. Все же она остановилась на почтительном расстоянии, не желая застать незрячую девушку врасплох.

– Приветствую вас, Голубка и Лили. Я бы хотела с вами поговорить.

– Жрица Луны Мари, я рада, что ты нашла для меня время, – улыбнулась Голубка и жестом пригласила ее присесть рядом с ними.

Пока она обрабатывала раны Сары и Лидии, Ник накинул ей на плечи дорожный плащ, и теперь она, мысленно поблагодарив его, расстелила плащ на земле и со вздохом села, запахнув края, чтобы сохранить тепло. Ригель улегся рядом с ней, с щенячьим кряхтением копируя ее усталость.

– О, с тобой твоя собака! – Голубка оживленно повернула незрячее лицо в сторону Ригеля.

– Обещаю, он вас не обидит – если только вы не попытаетесь причинить мне вред.

– Тогда мы с ним станем хорошими друзьями, потому что я никому не желаю вреда. – Голубка помолчала. – У меня есть одна просьба, которая покажется тебе довольно странной.

Мари охватило любопытство.

– Я тебя слушаю. Но имей в виду: я оставляю за собой право отказаться.

Она безмятежно улыбнулась.

– От предводительницы этих славных людей меньшего я и не ждала.

– Мы с Зорой ведем их вместе. И стараемся выслушивать каждого.

– Мне нравится идея Стаи, – произнесла Лили робко, но Голубка кивнула, подбадривая ее, и та продолжила чуть увереннее: – Женщины должны управлять жизнью общества. Они дают жизнь. Они сострадательнее мужчин. Это гораздо естественнее, чем когда все решают мужчины.

– Я никогда не знала другой жизни, – сказала Мари. – У Землеступов матриархальное общество.

– А твой избранник, Ник? – спросила Голубка. – Он ведь из Древесного Племени?

– Официально он не мой избранник – пока, – поправила ее Мари. – И он *был* из Древесного Племени. Теперь он часть Стаи.

Голубка склонила голову, обдумывая слова Мари, прежде чем заговорить.

– Но ведь Древесное Племя патриархально?

– Судя по тому, что рассказывал мне Ник и что я видела сама, правящие позиции у них в основном занимают мужчины, но для них важнее не то, какого пола член Племени, а какая

собака его выбрала. Овчарки и их спутники считаются лидерами, и неважно, женщины они или мужчины.

– Из разговоров я поняла, что собаки бывают разных видов, а потом Лили мне их описала. Видов только два, большие овчарки и маленькие терьеры?

– Да. Овчарки Воины, а терьеры Охотники. И еще у нас есть Баст, но она не из Племени.

– Ах, рысь! У нее такой интересный голос.

– Уверена, Антрес не будет возражать против вашего знакомства, но Баст поступает так, как хочет. Если она не пожелает с тобой общаться, то не станет. И неважно, что говорит Антрес.

– По тому, что я слышала, могу предположить, что Антрес поддерживает матриархат.

– Наверное, ты права.

– А твоего Ника не смущает то, что Стаей управляют женщины?

– Он уважает наши решения. И, как я уже сказала, мы с Зорой даем право голоса каждому.

– Но последнее слово всегда остается за вами.

– Да. Что это за странная просьба, о которой ты говорила? – спросила Мари. Ей нравилось разговаривать с Голубкой. Девушка была спокойна и мудра, но отзывалась на происходящее с детским воодушевлением.

– Ах, да. Могу я тебя ощупать? Я вижу руками, и мне бы очень хотелось увидеть тебя.

– Ощупать? Ты имеешь в виду лицо?

– И волосы. И, возможно, плечи и немного тело, чтобы представлять, какого ты роста.

Мари фыркнула от смеха.

– Конечно, я не против. Можешь на меня посмотреть.

Голубка подняла руки, потянувшись к Мари, и та взяла их и поднесла к своему лицу.

Прикосновения Голубки напоминали крылья бабочки. Ее руки нежно запорхали над лицом Мари, потом переместились к волосам, шее, плечам. Ригель пристально наблюдал за ней, склонив голову набок, словно пытался сообразить, что эта девушка делает с его спутницей. Внимание Голубки явно его не тревожило, и у Мари возникла идея.

– Голубка, хочешь осмотреть Ригеля и кого-нибудь из терьеров, чтобы ты могла их различать?

– О, это было бы чудесно!

– Хорошо. Давай начнем с Ригеля. Иди сюда, малыш. – Мари похлопала по земле между собой и Голубкой.

В одну секунду Ригель перескочил через вытянутые ноги Мари и уселся рядом. Мари быстро представила, как ее спутник ложится и позволяет Голубке погладить себя, и Ригель немедленно лег, поглядывая на Голубку с щенячьей ухмылкой.

– Умница, Ригель! – похвалила его Мари. – Дай руку, Голубка. Я покажу тебе Ригеля. Не бойся, он любит, когда его гладят.

Мари неспешно подвела руки Голубки к голове Ригеля.

– У овчарок пушистые уши и вытянутая морда с очень мощными зубами. Потрогай его нос. Чувствуешь, какой мокрый?

Голубка, кажется, перестала дышать, но быстро кивнула.

– Почему он мокрый? Он чем-то огорчен?

– О нет! Он вовсе не огорчен. А нос и должен быть слегка влажным. Смотри. – Мари провела руками Голубки по спине Ригеля к его виляющему хвосту. – Чувствуешь, как двигается его хвост?

– Да!

– Это значит, что он доволен.

– О, я даже не думала, что он такой мягкий! Не такой, как кролики или олени, и совсем не такой, как птичьи перья. Он мягкий по-своему.

Голубка наклонилась и понюхала Ригеля, и он, задрав морду, лизнул ее в лицо.

– О, прости. Это собачий поцелуй. Слюнявый, зато от всей души.

– Он меня поцеловал? Это так мило! – Голубка захихикала, отчего показалась совсем ребенком, и притом очень счастливым.

– Можно мне тоже его потрогать? – спросила Лили.

– Конечно! – Мари кивнула, и Лили, наклонившись, погладила мех Ригеля.

– Ой! Какой у него густой мех!

– Можно я ощупаю его целиком? Я бы хотела потрогать его лапы и прикинуть, какого он размера. Собаки кажутся такими огромными, когда лают, – сказала Голубка.

– Конечно. Ригель не возражает. Но знай, что он еще молод и еще продолжает расти. Я позову его отца, Лару, чтобы ты могла представить, каким он вырастет. – Взглядом она нашла Ника – он разговаривал у костра с Уилксом и Клаудией, которые передвинули свои плащи поближе к теплу. – Ник! – позвала она. Он поднял голову, улыбаясь на звук ее голоса, и Мари помахала ему, подзывая к себе. Он что-то быстро сказал Уилксу и направился к ней, а Лару, как обычно, затрусил рядом.

– Ник, вы с Лару не возражаете, если Голубка ощупает Лару? Она видит через прикосновения, и я бы хотела, чтобы она почувствовала разницу между щенком овчарки и взрослым псом.

– О, гм... нет, я не возражаю. И, думаю, Лару тоже не против.

– Спасибо, Ник, – вежливо сказала Голубка.

– Не за что. Логично, что тебе нужно ощупать их, чтобы представить. Иди сюда, Лару. – Ник поманил Лару, и тот без колебаний лег рядом с Ригелем.

Как и с Ригелем, знакомство Голубки с Лару Мари начала с его мощной головы. Изучив голову, Голубка легкими прикосновениями ощупала его тело, и на губах у нее заиграла улыбка.

– Он такой большой! И сильный – это понятно по его мышцам. Он великолепен! Вы хотите сказать, что Ригель вырастет таким же?

– Думаю, Ригель будет еще больше, – сказал Ник. – Он крупнее, чем Лару был в его возрасте.

– Ты знаешь, где сейчас Дэвис с Кэмми? – спросила его Мари.

– Они помогают Шене и О'Брайену готовить еду для собак. К счастью, мы все скоро сможем поесть. Хочешь, я их приведу?

– Было бы замечательно, спасибо. – Когда Ник и Лару ушли к берегу, Мари продолжила: – Дэвис – это спутник Кэмерона. Хотя мы зовем его Кэмми или Кэммчик. Он терьер.

– Терьеры тоже любят, когда их гладят? – спросила Лили.

– Думаю, почти все псы любят, когда их гладят, но у каждого из них свой характер, совсем как у людей, – ответила Мари. – Кэмми *обожает*, когда его гладят. – Тут к ним подлетел маленький пшеничный ураган. Первым делом он поприветствовал Мари, вскарабкавшись ей на колени и облизав лицо. – Здравствуй, Кэммчик! А где Дэвис?

– Дэвис помогает с едой, – крикнул Ник с песчаного пляжа. – Но я объяснил ему, зачем тебе Кэмми, а ты знаешь, как Кэмми любит внимание.

– Еще бы! – Мари рассмеялась, и Кэмми с радостным пыхтением снова облизал ей лицо. – Погоди, погоди. Голубка хочет с тобой познакомиться. Ты готова к знакомству с терьером, Голубка?

– О да!

– Он гораздо меньше Лару и даже Ригеля, так что будь готова. Вот он.

Мари взяла Кэмми на руки и посадила его на колени Голубке.

– Ой! – Голубка пискнула и обняла терьера, прижимая его к себе. Кэмми уселся на хвост и, задрав морду, лизнул Голубку прямо в губы. Отплевываясь, она рассмеялась и ощупала его морду и тело. – Он виляет хвостом!

– Кэмми очень дружелюбный – и очень счастливый, – сказала Мари.

– Шерсть у него совсем другая. Все терьеры и овчарки на ощупь одинаковые?

– В основном, – кивнула Мари. – Но у Кэмми светлая шерстка, и, наверное, она помягче, чем у темных терьеров, но в целом они очень похожи. А вот у овчарок шерсть может различаться. У Марии, спутницы Клаудии, мех длиннее, чем у Лару и Ригеля, а у Капитана, овчарки Шены, короткий и жесткий – жестче, чем у большинства овчарок, с которыми я знакома.

– И овчарки с терьерами хорошо ладят? Они ведь такие разные, – спросила Лили, поглаживая Кэмми, который благодарно лизнул ее руку.

– Ладят они или нет, зависит от характера, а не от размера. Но – да, в основном они ладят.

– Мне очень нравится этот терьерчик, – призналась Лили и, бросив на Мари испуганный взгляд, поспешно добавила: – Я не хотела обидеть тебя и овчарок – просто они такие большие и... жутковатые.

– Ты меня вовсе не обидела. Я тебя понимаю. Я всего несколько месяцев как спутница Ригеля. Сказать по правде, я до сих пор привыкаю к их размерам. Когда я впервые встретила Лару, я была потрясена тем, какой он великан.

С противоположной стороны круга раздался свист, и собаки Стаи дружно наострили уши.

– Терьеры! Овчарки! Пора ужинать! – донесся до них голос Дэвиса.

Кэмми сорвался с коленей Голубки, а Ригель устался на Мари, поскуливая и пуская слюни.

– Иди, малыш!

Он с радостным лаем рванул с места, разбрасывая песок и землю.

– Наверное, они проголодались, – заметила Голубка.

– Им кажется, что они голодны *всегда*, – сказала Мари.

– Твое рагу, Жрица Луны! – К ним подошла Дженна с дымящейся деревянной миской, из середины которой торчал большой ломоть хлеба.

– Спасибо, Дженна. Ты не могла бы показать Лили, где у нас миски, чтобы они с Голубкой тоже поели?

– Конечно. Пойдем, Лили. Все необходимое лежит у костра. После еды каждый моет за собой миску и относит ее к остальной посуде.

Лили застенчиво закивала и поспешила за Дженной. К Мари подошла Зора. Она расстелила на земле рядом с ней свой дорожный плащ и опустилась на него с облегченным стоном.

– Как приятно просто сидеть на неподвижной земле. У меня ужасно устали плечи.

– Здравствуй, Жрица Луны Зора, – сказала Голубка.

– Привет, Голубка. Вы с Лили понемногу осваиваетесь?

– Да. Мари позволила мне ощупать собак. Пожалуй, они мне очень нравятся, – сказала Голубка. Лили вернулась с хлебом и мисками, полными горячего рагу.

– Ощупать собак? – переспросила Зора с набитым ртом.

Прежде чем Мари успела объяснить, ей ответила Голубка:

– Да. У меня нет глаз, но я вижу руками.

– Хм. Логично.

Сонная Хлоя высунула головку из кармана, который Зора закрепила на груди, чтобы не расставаться со своей маленькой спутницей. Щенок принялся и настойчиво запищал. Зора снисходительно поцеловала малышку в нос, макнула кусочек хлеба в ароматное рагу и дала щенку его облизать.

– Это пищала твоя спутница, Зора? – спросила Голубка.

– Да. Она пока питается материнским молоком, но любит пробовать разные вещи. В основном те, что ем я. – Зора задумчиво посмотрела на Голубку. – Если хочешь, я дам тебе ее поддержать, когда ты доешь.

– Я была бы тебе очень признательна. Спасибо. – Голубка помедлила, прежде чем продолжить: – Ты оказываешь мне огромное доверие. Это честь для меня.

– Ты дала слово, что будешь с нами честна, – заметила прагматичная Зора. – Мы приняли твое слово, а значит, мы тебе доверяем.

– И будем доверять, пока ты не дашь нам повода сомневаться, – добавила Мари.

– А... а что будет, если вы на нас рассердитесь? – тихо спросила Лили.

– Рассердимся? – переспросила Мари. – Из-за того, что вы лжете?

– Нет! – торопливо воскликнула Лили. – Мы с госпожой ни за что не будем лгать, ведь она дала вам слово.

– В Стае все споры разрешаем мы с Мари. Если у вас возникнут какие-то проблемы, обращайтесь к нам, – сказала Зора.

Ник вернулся к их маленькой компании и уселся рядом с Мари.

– Ты назвала Голубку своей госпожой, – сказала Мари. – Что ты имела в виду?

– Простите. Я не хотела...

Голубка подняла тонкую руку, знаком останавливая Лили.

– Сознательно скрывать, чем мы жили до того, как присоединились к этим добрым людям, – все равно что лгать, Лили. Я не стану этого делать. – Голубка повернулась к Мари. – Лили называет меня госпожой, потому что она была моей Помощницей в храме Бога-Жнеца. А я была оракулом божественной воли.

– Что это за Бог-Жнец? Существо с рогами оленя, которое ты зовешь Смертью? – спросил Ник.

– И да, и нет. До того, как Бог пробудился в теле нашего Заступника, Верного Глаза, наша богиня молчала. – Голубка повернула безглазое лицо к Лили. – Прости меня за то, что я сейчас скажу. Я поклялась говорить только правду, но, даже если бы я этого не сделала, мне давно следовало все тебе рассказать.

Лили недоуменно захлопала глазами.

– Простить тебя? Я не понимаю.

– Ты поймешь, друг мой. Я лишь надеюсь, что ты позволишь мне называть тебя так после того, что услышишь. – Голубка глубоко вздохнула и склонила голову, словно в молитве павшему богу. – До нашего с Лили побега я никогда не бывала за пределами Храма нашей Богини. Меня принесли туда младенцем, чтобы принести в жертву Жнице, но Стражницы – старухи, которых мой народ считал вестницами Богини, – решили, что меня коснулась сама Жница. Они пощадили меня. Я быстро поняла, что должна доказать свою ценность Стражницам, иначе они могли передумать и принести меня в жертву или хуже того – изгнать из Храма, обрекая на голодную смерть. И потому с самого детства я притворялась, что слышу голос Богини.

Лили ахнула и быстро прикрыла рот ладонью. Голубка понимающе кивнула. Она провела по лицу дрожащей рукой и продолжила:

– Правда в том, что притворялась не одна я. Притворялись все Стражницы. Все они были лжевестницами. Богиня не говорила ни с кем. А потом мой Верный Глаз вошел в Храм и избавил его от гнусных Стражниц, а меня пощадил. Как и я, он знал, что Жница нема – что все это было выдумкой старух, желающих сохранить власть над Народом. А еще он знал, где скрывается источник болезни, которая заражала и убивала людей.

– Зараженное мясо, – сказал Ник.

Голубка кивнула, не поднимая головы.

– Да, но не только. Он считал, что животные в нашем городе были заражены людьми, потому что те ели плоть Других и объединяли ее с собственной плотью в надежде исцелиться от струпной болезни.

– Звучит очень похоже на паршу, от которой страдает Племя, – заметила Мари.

– Так значит, старый стишок не врет. – Зора побледнела. – «Близ городов ты будь внимателен – остерегайся свежевателей».

– Я не знаю о других городах. Только о своем.

– Почему вы с Лили не заболели? – спросила Зора.

– Я никогда не ела мяса, и тем более мяса Других, – пояснила Голубка. – Сначала мне не позволяли старухи, а потом я сама решила этого не делать. Одна мысль о нем вызывала у меня отвращение.

– А я начала заболевать, прежде чем стать Помощницей Голубки, но я мала и всего лишь женщина, поэтому мне приходилось ждать, пока насытятся остальные, а это нередко означало, что мяса мне не достанется вовсе. Мне никогда не позволяли есть мясо Других. – Лили вытянула руку и закатала рукав. На сгибе локтя виднелось несколько маленьких нарывов. – Видите? Дальше они не пошли.

– А когда она оказалась со мной, я позаботилась о том, чтобы она ела то же, что мой Верный Глаз, – а он ел только зверей, которых находил в самой чаще леса. Именно охота на здоровую дичь натолкнула его на мысль о Древесном Племени, – сказала Голубка.

– Лили, я дам тебе мазь, которая успокоит зуд. Завтра будет третья ночь, когда мы призываем силу луны и очищаем Стаю. Тогда ты окончательно исцелишься от болезни.

Лили благодарно поклонилась ей.

– Спасибо, Жрица Луны Зора.

– В словах Голубки есть смысл, – протянула Мари. – Запрет на поедание человеческой плоти – один из фундаментальных законов, которые передаются из поколения в поколение. У него должна быть причина, и дело не только в том, что это гнусно. Это вызывает болезнь. Так, выходит, ваш Верный Глаз и есть Бог Смерти?

– Нет! Он был моим возлюбленным – моим Заступником. Он был добр ко мне, заботился обо мне, но каким-то образом пробудил Бога-Жнеца – Бога Смерти. Мой Верный Глаз был честолюбив, но его честолюбие было направлено на благо Народа. Простите меня за эти слова, но он собирался разбить Древесное Племя и увести Народ в чистый лес.

– Вот только теперь из-за него этот лес уже не чист, – сдавленным от злости голосом сказал Ник.

– Он не хотел заразить лес, – сказала Голубка. – Но он изменился, когда в нем пробудился Бог. Сперва я не понимала, что происходит. Я думала, он просто делает то, что должен, чтобы помочь Народу покинуть город. Я ошибалась. Смерть оставил на Верном Глазе свое клеймо и постепенно поглотил моего возлюбленного, так что от него совсем ничего не осталось. Тогда Смерть начал менять и Народ – свежевать животных заживо и прикладывать их плоть к ранам людей, чтобы те приобрели звериные черты, – хотя не думаю, что кто-то из них слился со зверем так, как Смерть.

– Он сделал это с Тадеусом, когда схватил его, верно? – спросил Ник. – Срезал для него плоть с его же терьера.

Все так же не поднимая головы, Голубка кивнула.

– Да.

– И отравил животных в лесу, чтобы ослабить Племя.

– Да.

Ник отшвырнул миску в сторону и хотел было встать, но Мари остановила его, мягко прикоснувшись к его руке.

– Столько страданий! – Ник затряс головой. – Ее народ причинил нам столько страданий.

– Я никому не желала зла. Мы с Верным Глазом лишь хотели избавить от страданий свой народ.

– И вы это сделали. Смерть уничтожит то, что осталось от Древесного Племени, – сказала Мари. – Почему же вы не празднуете победу со своим Богом?

– Праздновать? – Голубка поморщилась, словно съела пригоршню кислых ягод. – Нет. У Народа больше нет причин для праздника. Есть только Смерть и Его желания. Когда я поняла это, мы с Лили обратились к Богине Жизни, которую вы, кажется, зовете Великой Матерью-Землей. Она услышала мои молитвы и привела меня к вам.

– Но ты сказала, что только притворялась оракулом вашей Жницы. С чего ты решила, что Мать-Земля тебя услышала? Что она вообще знает о твоём существовании? То, что ваш путь пересекся с нашим, скорее похоже на совпадение, – выплюнул Ник с горечью.

– Сон, – пояснила Зора. – Сон Мари.

– Сон?

Мари кивнула.

– Мне приснилась голубка, которая прилетела ко мне в поисках убежища. Голос матери велел защитить ее, но лишь при условии, что она поклянется говорить Жрице Луны только правду.

– А, тот сон. Я благодарна за него, но дело не только в нем, – сказала Голубка. – Смерть хочет пробудить во мне свою супругу – хочет, чтобы Богиня Жизни поглотила меня, как Он поглотил моего Верного Глаза, – но, слушая Бога, я поняла, что Богиня не разделяет Его намерений. Потому я сбежала. В надежде на то, что, возможно, смогу послужить Богине иначе.

– В качестве лжеоракула? – поинтересовался Ник.

Голубка подняла на него безглазое лицо.

– Нет. Никогда. Я больше ни дня не буду притворяться. – Она повернулась к Лили и протянула ей руку. Помедлив, подруга ухватила за нее. – Прости меня, Лили. С этого дня я никогда больше не буду обманывать ни тебя, ни кого-либо еще.

– Я прощаю тебя, госпожа. – Голос Лили дрожал.

– С остальными будет сложнее. Особенно с теми, кто раньше был частью Древесного Племени, – сказал Ник. Он наклонился и быстро поцеловал Мари. – Я проверю собак и помогу Антресу выставить первых часовых.

И, не сказав больше ни слова, он зашагал прочь.

– Будьте готовы, – сказала Зора. – Боюсь, Ник не единственный, кто отреагирует на вашу историю таким образом.

– Я готова. И я готова завоевать доверие Стаи, Жрица Луны Зора.

– Не думаю, что ты сможешь его завоевать, – сказала Мари. – Тебе придется его заслужить.

Глава 8

Остаток ночи Стая провела вокруг бодро потрескивающего костра; псы удобно устроились рядом со своими спутниками, которым выпало дежурить первыми. Мари легко нашла Ника. Он обустроил для них местечко напротив той части круга, где спали Голубка и Лили. Мари сняла плащ, расстелила его на лежанке и села рядом с Ником, а Ригель с могучим зевком свернулся у нее под боком. Лару лежал по другую сторону от Ника и как будто крепко спал, но, стоило Мари сесть, как он приоткрыл глаза и застучал хвостом по земле. Она потянулась через Ника и погладила широкую мягкую голову пса.

– Привет, Лару. Спи. Ты заслужил отдых.

– И ты тоже. – Ник вытянул руку, и она прильнула к нему. Он разместил их лежанку возле большой коряги, на которую можно было опереться. – Я сказал Антресу, что заступлю на вахту первым. Как ты и говорила, мы будем дежурить парами, но если ты слишком устала, то я могу подежурить с О’Брайеном и Шеной.

– Я бы лучше посидела с тобой. Но разве нам обязательно отсюда уходить? Тут так уютно.

Ник поцеловал ее в макушку.

– Нет, смотри. – Он указал на темную воду, которая плескалась всего в нескольких ярдах от их лежанки. – Я выбрал это место, потому что отсюда видно реку. Антрес велел следить за подступами к острову. Опасность может прийти с воды, поэтому на ней и нужно сосредоточиться.

Расслабившись у него под боком, Мари смотрела на черную воду. Луна снова скрылась за облаками, и разглядеть дальний берег было невозможно – куда ни глянь, расстилалась темнота. Она глубоко вздохнула.

– Мне нравится, как пахнет река. Землей, водными растениями, деревьями и камнями – получается особенный запах, который ни с чем не спутаешь.

– У камней есть запах?

– Конечно! Они пахнут камнями... мхом, сосновыми иголками...

– Ты странная, Жрица Луны.

– Спасибо. – Мари ухмыльнулась. – Так что, ты все еще ненавидишь реки?

– Определенно. – Они негромко рассмеялись, и Ник продолжил: – Мари, я хочу попросить тебя быть осторожнее с тем, что говоришь Голубке и Лили – особенно Голубке. Я знаю, вы с Зорой хотите ей доверять, но вы не знаете, кто такие свежеватели. А Племя знает. Они не люди. Они чудовища.

Мари помедлила с ответом. Она понимала, что ее слова зададут тон всему путешествию, на протяжении которого – и в его финале – им предстоит встречаться с разными народами.

– Я понимаю твое беспокойство. Правда. И я признаю, что оно не беспочвенно. Но моя мама часто говорила мне одну вещь, о которой я много думаю в последние дни. Она говорила, что мы сами выбираем, как прожить свою жизнь: в любви или в страхе. Теперь я понимаю, почему она повторяла это снова и снова: потому что большую часть жизни я провела в страхе. Раньше я этого не осознавала, но я из страха злилась на Клан, не принимавший меня. Я из страха возмущалась тем, что мама жертвует Клану столько времени. Из страха считала мужчин Клана отвратительными созданиями, которым следует держаться подальше от всех. И только потеряв маму и чуть не потеряв себя, я наконец поняла, что она имела в виду. Ник, я выбираю любовь, и если это означает, что я совершу ошибку и доверюсь тому, кто причинит мне зло, – пусть так. Ты меня понимаешь?

– Не уверен. Я приму к сведению твои слова, но я все-таки прошу тебя быть осторожнее.

– Обязательно. Но помни: если бы я жила так, как говоришь ты, – если бы не доверяла людям даже вопреки предчувствию – в день нашей встречи я бы оставила тебя умирать в реке.

Она пристально изучала его лицо. Она видела, что в нем борется страх за нее и гнев, вызванный тем, что стало с его любимым Племенем. Она мягко добавила:

– Я прошу тебя доверять моим решениям.

– Я тебе доверяю!

– Не *мне*, а моим *решениям*. Я люблю тебя, Ник, но, если ты не можешь доверять моим решениям, нам не быть вместе. Матриархат – это не просто правление женщин. Ты должен видеть в них равных, относиться к ним как к равным – даже если страх побуждает тебя противиться их решениям. Мне нужен мужчина, который не просто понимает идеалы, стоящие за нашим образом жизни, а разделяет их, *доверяя моим решениям*.

Мари видела в его глазах удивление и боль, но не сделала попытки его утешить. Через это Ник должен был пройти самостоятельно, и, если он не мог этого сделать, то, как бы ей ни хотелось видеть его рядом, как бы она его ни любила – она не могла назвать его своим избранником. Она была Жрицей Луны, одной из предводительниц их Клана, и если ее мужчина не будет ее уважать, то союз с ним будет только тянуть ее и Стаю назад, а с этим она смириться не могла – и не стала бы.

– Я буду уважать твои решения, Жрица Луны, – угрюмо сказал Ник. – Хоть мне и тяжело будет умерить беспокойство за тебя. За последнее время я многое потерял: отца, Племя – по сути, все, чем жил. Я не вынесу, если потеряю еще и тебя.

Облегчение расцвело в сердце Мари.

– Потерю я понять могу. Потери свели нас с тобой, но они же могут разделить нас, если мы не сделаем этот шаг.

Он кивнул, и она почувствовала, как он расслабился.

– Ты права, моя Жрица Луны.

– Я люблю тебя, мой Жрец Солнца.

– А я люблю тебя.

Они сидели в тишине в окружении спутников и своей Стаи и смотрели на бесконечную гладь воды, обнимая друг друга и размышляя о том, что готовит для них будущее.

* * *

Железный Кулак трусцой бежал через обгорелые останки леса, темного и безмолвного, когда одинокий часовой, Гром, вышел к нему, едва он отошел от берега и ступил на территорию Племени.

– Назовись!

– Железный Кулак, Клинок Бога!

Гром торопливо спрыгнул с почерневшей ветки наполовину обугленной сосны.

– Железный Кулак! Смерть велел передать, чтобы ты немедленно отправлялся к Нему. Иди вдоль ручья через сгоревший лес. – Он указал себе за спину. – Когда ручей уйдет вправо, сверни налево и иди, пока снова не увидишь зелень. Смерть ждет у большого дерева с резной платформой.

– Битва окончена?

– Битва? – Гром мрачно расхохотался. – Тоже мне битва. Другие оказались слабаками, а те из них, что посильнее, только рады прикоснуться к могуществу нашего Бога.

– Он убил всех?

– Еще нет. Нам предстоит много работы, и, как обещал наш Бог, мы будем владеть этими лесами вместо жалких Других. Теперь они наши рабы!

Железный Кулак кивнул. Он был удивлен, что Смерть не расправился со всем Древесным Племенем, но в словах Грома был смысл. Зачем заставлять Народ отстраивать небесный город, если его создатели справятся с этой задачей куда лучше? Он отсалютовал Жнецу.

- Я пойду и отчитаюсь перед Господином.
- Поспеши. Смерть о тебе спрашивал.

Слова Грома подхлестнули Железного Кулака, и он перешел на бег. Он с легкостью перемахнул через поваленное дерево, потом через обгорелые обломки. Он чувствовал в себе силу вепря. Он не знал, как именно Смерть вдохнул в своих Жнецов сущность зверя, но был Ему благодарен. Нарывы, покрывавшие его тело, пропали без следа. Ушел мучительный кашель, ушла тошнота, омрачавшая каждую секунду его существования, – и он знал, что будет навеки верен Смерти за этот дар, за здоровье и нечеловеческую силу.

Железный Кулак повернул налево, оставив ручей по правую руку. Вскоре он услышал радостный гул, бой барабанов и пение – Жнецы отмечали победу. Он устремился на звук, и почерневший лес сменился сочной зеленью. Опаленные дома, напоминавшие гигантские гнезда, были полны людей. На выгоревших платформах расположились Жнецы – они пили и корчились под звуки барабана. На глазах Железного Кулака один из Жнецов в пьяном разгуле оступился и разбился бы, если бы один из товарищей не схватил его за руку в последний момент. Железный Кулак нахмурился. Не хватало еще, чтобы Жнецы вредили себе. Надо бы попросить Смерть напомнить людям об осторожности.

Юные Помощницы Бога остались в городе, но победители не собирались отказывать себе в удовольствии. Женщины побежденного Племена стали добычей солдат. Одна из них вырвалась из объятий Жнеца. Обнаженная и окровавленная, она молча кинулась с обгоревшей платформы вниз, и ее изломанное тело осталось неподвижно лежать на земле.

Присматриваться Железный Кулак не стал. Женщины были имуществом, роль которого заключалась в служении мужчинам. Он прошел дальше и остановился перед поляной, где разворачивалось основное торжество.

Народ толпился под исполинской старой сосной, на которой размещалось несколько платформ, украшенных резными орнаментами. У самого дерева, за кругом пьющих и танцующих Жнецов и истерзанных женщин Племена, огромное пространство было огорожено веревкой. За ней собрались остатки Древесного Племена. Вопрос об охране отпал сам собой, когда Железный Кулак увидел неспешно прогуливающихся вокруг пленников Паука, Омута и Оврага. Они были слишком стары, чтобы стать Жнецами, но достаточно крепки, чтобы следить за узниками – особенно за Племенем, которое явно смирилось с поражением. Даже могучие псы молча лежали рядом со своими спутниками, угрюмо опустив головы.

Оглушительный рев привлек внимание Железного Кулака к дереву в центре поляны, и он увидел, как на край платформы выходит Смерть. Под деревом и вокруг него пылало несколько огромных костров, освещающих могучий силуэт Бога. Он вскинул руки, и Его голос загремел вокруг них с бессмертной силой, заглушая барабаны и людской гвалт.

– О мой Народ! Празднуйте! Танцуйте, пейте, ложитесь с женщинами! Эта ночь принадлежит вам – а завтра мы начнем строить *наш* небесный город!

Поляна взорвалась криками, и Он заревел, подобно могучему оленю.

Железный Кулак быстро пересек поляну, огибая Жнецов, опьяневших от выпивки и победы. Он чуть не врезался в солдата, которого узнал не сразу, а лишь после того, как присматрелся повнимательней. Это был один из Других – невысокий мужчина, которого они поймали несколько недель назад и которого Смерть использовал, чтобы заразить Племя. Кажется, его звали Тадеусом. В одной руке у него была кружка, а другой он обнимал девушку, заставляя ее танцевать. На секунду их взгляды встретились, и Железный Кулак вздрогнул. В ее глазах не было света – в них не было ничего. Он как будто обменялся взглядами с трупом.

Железный Кулак обошел их и быстро поднялся по винтовой лестнице на платформу, где стоял Бог.

– Хорошо, что ты вернулся, мой Клинок. Я уже начал думать, что тебя поглотила река, – произнес Смерть, не поворачиваясь, словно видел его спиной.

– Нет, Господин. Она бы не осмелилась. Даже река знает, что я несу своему Богу важные новости.

Смерть жестом подозвал Железного Кулака к краю платформы.

– Видишь это? – Бог провел широкой ладонью по резному узору на балясинах перил.

Не вполне понимая, чего Он хочет, Железный Кулак посмотрел на деревянные перила.

– Вижу, Господин.

– Поразительная красота. Я прослежу, чтобы Другие отстроили город не хуже прежнего.

– Да, Господин.

– Еще я возьму себе пса. Одну из этих огромных овчарок. Сегодня они сражались с отчаянной храбростью. Что ты об этом думаешь, Железный Кулак?

– Я думаю, что ты Смерть, наш возлюбленный Бог-Жнец, и ты должен иметь все, что пожелаешь.

Смерть хлопнул его по плечу.

– Ах, Железный Кулак, мой мудрый и верный советник. А теперь скажи, что за важные новости ты принес.

– Я проследил за девчонкой. Она со своим мужчиной присоединилась к группе людей на реке. Она называла их Стаей.

– И насколько велика эта Стая?

– И пятидесяти человек не наберется. В основном женщины.

– И у всех есть собаки?

– Нет, – помотал головой Железный Кулак. – Я видел несколько, но их гораздо меньше, чем людей.

– Девчонка, которая управляла огнем, – у нее ведь есть собака?

– Да. Похоже, она и ее мужчина связаны с овчарками. Господин, она удивительна. Ее называют «Жрица Луны». Я видел, как она призвала лунный свет и исцелила несколько человек.

– Неужели? – Смерть явно заинтересовался. – Она способна исцелять?

– Да, Господин!

– Она красива? Я не смог рассмотреть ее внешность – она была слишком далеко.

– У нее гладкая кожа. Она молода и красива.

– И куда же они отправились?

– Они поплыли вверх по реке в место, которое называли равнинами Всадников ветра. Они планируют там поселиться.

– Всадники ветра? Я никогда о них не слышал, но, уверен, наши друзья из Племена смогут нас просветить. Хорошая работа, мой Клинок.

– Это еще не все. Я рассмотрел не только Жрицу Луны, но и тех, кто путешествует с ней. Двое показались мне очень знакомыми. Господин, с ними Голубка и ее служанка, Лили.

Смерть медленно повернулся к Железному Кулаку – и Жнец задрожал под Его взглядом.

– Моя Голубка? Сосуд для моей Супруги, Богини Жизни? Ты уверен, что это была она?

– Абсолютно, Господин. Я четко видел ее лицо – и Лили тоже.

Железный Кулак затаил дыхание, холодея от мысли, что Смерть накажет его за весть о побеге любовницы.

Но Жнецу не стоило беспокоиться. Выражение лица Смерти изменилось, и он, откинув голову, расхохотался.

– Прекрасно! Я чувствовал, что Голубка уже исполнила свое предназначение – что она лишь временное развлечение и не подходит в качестве вместилища для моей возлюбленной Супруги. Теперь я в этом убедился. Мне не нужно слепое дитя. Мне нужна солнечная воительница – целительница – могущественная Жрица Луны. – Смерть повернулся к поляне, где упи-

вались весельем его люди, и в голосе Его зазвучала клятва, которую Он намеревался исполнить. – Я найду эту Жрицу Луны. Только она достойна стать вместилищем для Богини.

* * *

Ралина сделала что могла, чтобы обустроить раненых поудобнее, хотя в той части леса, которую им отвел Бог Смерти, это было непросто. Мысленно она молила закатившееся солнце уберечь их от роя, потому что, напади на них насекомые, отбиться они бы уже не смогли.

Мари исцелила Племя от страшной струпной болезни – по крайней мере, тех, кто этого хотел, – но многие пострадали в пожаре и в короткой, но кровавой стычке со свежевателями. Когда Тадеус, этот гнусный изменник, сдался, прикрываясь именем Племени, захватчики выгнали их с древней платформы для медитаций и из лазарета, устроенного вокруг дерева, и согнали слабых и раненых на огороженную веревкой поляну, где от дождя и зноя их защищали только кроны деревьев, а из лежанок, лекарств и пищи было лишь то, что они смогли унести. Несмотря на это, по пути из города свежеватели отнимали у них все, что пожелают, – включая женщин.

Никогда в жизни Ралина так не радовалась тому, что покрыта грязью и кровью из-за ухода за больными. Никто даже не смотрел в ее сторону, а когда кто-то все же обращал на нее внимание, ее огромный пес, Медведь, скалил зубы, отгоняя от своей спутницы Жнецов.

Она видела, как Тадеус и его люди присоединились к празднующим свежевателям. Предатель даже показал захватчикам, где зарыт весенний мед, и теперь пил и танцевал вместе с ними.

«Невелика потеря», – подумала Ралина.

– Ралина, я хочу есть!

Сказительница встряхнулась и взглянула на одну из своих подопечных – девочку по имени Селеста, ноги которой после лесного пожара покрывали ожоги.

Ралина наклонилась и положила руку ей на лоб. Лихорадка отступила – очевидно, благодаря целительной силе Мари.

– Я знаю, Селеста. Потерпи немного, суп скоро будет готов.

– Но они едят рагу – с мясом! Вон там. – Девочка указала на усталых Псобратьев, собравшихся вокруг костра, который они разожгли заново на огороженной поляне.

Ралина присела рядом с девочкой.

– Я им уже объясняла – это рагу есть нельзя. От мяса смердит. Оно заражено. Ты ведь помнишь, как сильно болело Племя, пока Жрица Луны нас не вылечила? Я уверена, что мы снова заболеем, если попробуем рагу.

Селеста вздохнула.

– Ну ладно. Я подожду. – Она огляделась по сторонам. – Вот только мало кто решил ждать.

«Я знаю, и меня это ужасает», – подумала Ралина, но вслух сказала только:

– Я не могу заставить их мне поверить. Я могу только рассказать людям о том, что видела, а учитывая слова Мари, я думаю, что свежеватели нас отравили. Если ты не хочешь заболеть снова, не ешь то, что они предлагают. Я не могу решать за других – только за себя.

Ралина повернулась к маленькому костру, который развела сама, и старому котелку, который ей удалось прихватить, когда захватчики согнали их с платформы для медитаций. Собрать съедобные коренья, зелень и грибы было нетрудно; оставалось лишь добавить воды и сварить жиденький, но безопасный суп. Она помешала в котле ложкой и огляделась, пересчитывая людей, которые собрались вокруг нее и, как Селеста, ждали пищи, от которой не заболеют. Ралина с трудом подавила приступ удушающего отчаяния. Хотя большая часть Племени не послушала ее и теперь жадно поедала зараженное рагу, тех, кто ее поддержал, было больше,

чем могла прокормить ее жалкая похлебка. Ей придется добавить еще воды и, если повезет, грибов.

– Селеста, присмотри за супом. Я принесу еще воды и попробую поискать грибов.

Едва она встала и пошла прочь от костра, Медведь попытался последовать за ней. Она опустилась на колени и, взяв его морду в ладони, тихо заговорила, рисуя в воображении, как он лежит у костра:

– Оставайся тут и жди меня. Мне не нравится, как свежеватели смотрят на наших овчарок, и я не хочу, чтобы ты привлек чье-нибудь внимание.

Огромный пес низко зарычал и перевел взгляд с любимой спутницы на одного из смердящих стражников, которых расставили по периметру их веревочной тюрьмы.

– Знаю, – зашептала Ралина и поцеловала его в нос. – Они ужасны.

Медведь снова заворчал и вернулся на свое место у огня рядом с маленькой Селестой. Ралина улыбнулась, кивнула ему и заспешила прочь, не отрывая глаз от земли в поисках чего-нибудь съедобного. Она заметила несколько сморчков и опустилась на колени, чтобы сорвать мясистые грибы.

Запах ударил ей в ноздри еще раньше, чем она услышала голос.

– Вернись за веревку!

Ралина подняла глаза и увидела перед собой старого свежевателя. Тело его покрывали болезненные на вид нарывы, кожа была скользкой от пота. Она оглянулась и поняла, что слишком увлеклась грибами и не заметила, как вышла за веревочное ограждение.

– Я просто собирала грибы для супа. Я сорву их и сразу же вернусь.

– Нет, женщина. Ты вернешься сейчас же.

Свежеватель толкнул ее ногой, и Ралина, потеряв равновесие, села на землю. Она подняла на него глаза и с отвращением покачала головой.

– Я не пытаюсь сбежать. Я только хочу собрать грибы и накормить свой народ.

Свежеватель наклонился к ней.

– Ты и твой народ можете подыхать с голоду. *Вернись за веревку.*

Ей не следовало отвечать. Она сама велела Медведю не ходить за ней, чтобы не привлекать внимания, но усталость и голод заглушили в ней голос рассудка.

Одним стремительным движением Ралина поднялась на ноги перед старым свежевателем.

– Пошел прочь, гниющее отродье! Я бы назвала тебя животным, да не хочу оскорблять обитателей леса. Ты не человек – ты ходячая зараза.

Свежеватель вскинул заточенный трезубец, готовый пронзить им Ралину. Она стиснула зубы. Единственное, о чем она сожалела, – что Медведь после ее смерти долго не проживет.

– А, Ралина, вот ты где. Я знал, что тебя будет нетрудно найти: ты вечно нарываешься на неприятности. Вечно нарываешься на неприятности, дрянь! – выплюнул Тадеус, подходя к Ралине и оттесняя в сторону свежевателя. – Не убивай ее, кретин! От нее сплошные проблемы, но она много знает.

– Она вышла за веревку! – упрямо возразил свежеватель. – Я должен ее убить.

– И тогда тебе придется держать ответ перед Смертью. – Тадеус схватил Ралину за руку и потащил прочь. – Твой Бог желает с ней говорить. Если тебя что-то не устраивает, обсуди это с Ним.

Тадеус повернулся спиной к свежевателю и потянул за собой Ралину.

Пройдя несколько шагов, Ралина выдернула руку.

– Что тебе нужно, Тадеус?

– Как насчет «Спасибо, что спас мне жизнь»?

– Предатели не заслуживают благодарности. *Что тебе нужно?* – повторила она.

– Дело не в том, что мне нужно, дрянь. Дело в том, чего требует Бог. Давай, попробуй. Откажи Ему и увидишь, что будет.

Ралина презрительно оскалилась.

– Отведи меня к Нему и проваливай. От твоего вида меня тошнит сильнее, чем от струпной болезни.

Тадеус ударил ее наотмашь так, что она пошатнулась и едва не упала, но быстро пришла в себя и твердо встретила его взгляд.

– Ударись меня снова, и тебе придется меня убить.

Тадеус пожал плечами.

– Как угодно. Смерть и так может приказать это сделать. А теперь заткнись и иди за мной. Будь ты умнее, ты бы договорилась с Ним, как это сделал я.

В горле Ралины заклокотал презрительный смех.

– Ты думаешь, что ты в безопасности? Ты думаешь, что Смерть и впрямь тебя *пощадит*?

– Мы союзники, тупая сука! – заорал он Ралине, брызжа слюной.

Она медленно вытерла лицо грязным рукавом и усмехнулась.

– Я тебя умоляю. Как только ты сделаешь то, чего от тебя хочет Смерть, Он убьет тебя – или, если повезет, отдаст тебя тем, кто еще верен Племени.

– Знаешь что? Мне больше нет нужды терпеть это дерьмо от людей вроде тебя. Теперь я возглавляю Племя. И благодаря мне мы наконец станем сильны и вернем былое величие. Так что заткнись и иди за мной.

Тадеус развернулся и, пьяно пошатываясь, поплелся в направлении празднующих свежевателей.

Ралина пошла за ним, рассовывая грибы по карманам. Они прошли мимо танцующих, пьянствующих свежевателей. Ралина заметила среди них Воинов и Охотников. Как и Тадеус, это были люди, которые мучили своих собак, срезая с их тел плоть и прикладывая ее к оставленным болезнью ранам. Она поискала взглядом их спутников. Сперва она их не увидела, но тут до нее донеслось поскуливание от корней древнего дерева, на котором располагалась платформа для медитаций. Раненые псы собрались там – овчарки и терьеры жались друг к другу, забытые своими спутниками, и мучились от боли.

Ралина в отчаянии отвернулась. «*Как они могут так издеваться над своими спутниками?*»

– Хватит глазеть, пошли. Да смотри не отставай. Он ждет наверху. – Тадеус начал подниматься по лестнице, ведущей на главную платформу для медитаций.

Ралина увернулась от пьяного свежевателя, который упал прямо перед ней, и неохотно поднялась за Тадеусом по лестнице.

Смерть стоял, повернувшись спиной к Тадеусу и Ралине, и смотрел на свой народ. В руке Он держал огромную деревянную чашу и потягивал напиток, с удовольствием наблюдая за тем, как Его люди веселятся внизу. Подойдя ближе, Ралина почувствовала сильный запах спиртного и задумалась, как Ему удалось отыскать запасы виски Племени.

– Я привел Сказительницу Ралину, – сказал Тадеус.

Смерть не повернулся. Он просто сказал:

– В следующий раз ты обратишься ко мне «Господин» и поклонись. Ты понял, Тадеус? Ралина покосилась на Тадеуса. Он побагровел, но неуклюже поклонился.

– Да, Господин.

– Хорошо. А теперь оставь нас.

Ралина видела, что Тадеус хочет возразить, но, видимо, голос рассудка все же нашел путь в его одурманенный алкоголем разум. Он снова отвесил поклон и ушел, напоследок метнув в нее мрачный взгляд.

– Так значит, ты Сказительница Племени, – сказал Смерть.

– Да, – сказала она и добавила: – Господин.

Провоцировать бога было бы глупо – даже если она Его ненавидела, – и она решила отвечать Ему так, чтобы не вызывать Его гнева.

– Мне нравится идея Сказителей. Я хочу, чтобы мои деяния были записаны и пересказывались из поколения в поколение. Я рад, что ты здесь.

Ралина не знала, что Он ожидает услышать, и ничего не ответила.

Он повернулся, и Ралина впервые смогла рассмотреть Его вблизи – и ей пришлось прикусить щеку, чтобы не ахнуть и не кинуться прочь.

Бог Смерти был чудовищным гибридом животного и человека. Она думала, что наросты на Его голове были частью какого-то головного убора вроде короны. Она ошиблась. Это были не наросты – это были олени рога. И они *росли* прямо из Его головы. У Него были грубые черты, широкий нос, густые брови. Лицо Его было чисто выбрито, а вот волосы напоминали скорее гриву или мех, чем человеческие локоны: коричневые, как олений мех, и такие же длинные и косматые. Она не могла сказать наверняка, но, похоже, они спускались и ниже, вдоль шеи и спины. Он был огромен. Гораздо выше любого из Псобратьев – любого, кого когда-либо встречала Ралина, – и так мускулист, что выглядел деформированным, раздутым подобием человека. Она обвела взглядом Его тело и недоверчиво распахнула глаза, когда добралась до Его раздвоенных копыт.

– Насмотрелась?

Ралина вздрогнула и быстро поклонилась.

– Да, Господин. Прости меня. Я не хотела тебя оскорбить.

– Ты меня не оскорбила. Смотри, да повнимательнее. Я бог. Я знаю, что твой народ никогда прежде не видел живых богов, поэтому я расскажу тебе, как отвечать на их вопросы и удовлетворять их любопытство.

– Ты... ты напоминаешь мне оленя, – выпалила она и прикусила губу, мечтая провалиться по земле.

Но Бог, казалось, был доволен. Он кивнул, потряхнув густой гривой.

– Когда это тело было смертно – прежде, чем я забрал его себе, – оно слилось с могучим оленем, королем леса. Теперь этот олень живет во мне.

– А твои люди – они тоже объединились с оленями?

– Нет. Король леса был предназначен только богу. Мои люди слились с другими лесными животными. Понаблюдай за ними, Сказительница, и ты легко определишь, с какими. А теперь ответь мне: где находятся равнины Всадников ветра?

Его вопрос удивил Ралину, но она не видела смысла утаивать от Бога эту информацию.

– Далеко на востоке.

– Если бы ты захотела туда попасть, как бы ты это сделала?

– Я бы этого не захотела. Путь туда долг и опасен, а Всадники ветра редко позволяют чужакам селиться на Высокотравье, поэтому, даже если бы я пережила путешествие, это не значит, что я пережила бы встречу со Всадниками ветра.

– Предположим, ты уверена, что переживешь путешествие и получишь разрешение поселиться на равнинах. Как ты будешь туда добираться?

Ралина ухватила за призрачную надежду, что Смерть хочет забрать своих отвратительных людей и уйти – а если повезет, с ними уйдет и Тадеус со своими сторонниками. Поэтому она тщательно обдумала свой ответ, прежде чем заговорить:

– Я знаю немного, но я слышала истории о людях, которые проходили этот путь, хотя таких историй известно немного. С равнин возвращаются единицы. Чтобы попасть на территорию Всадников ветра, нужно подняться по реке Умбрии до Потерянного озера. Переправившись через озеро, нужно пересечь горы. Равнины Всадников ветра начинаются у восточного склона гор.

– Кто такие Всадники ветра?

– Их называют эквинианами – лошадиными наездниками. – Заметив Его недоумение, она продолжила объяснение: – Лошади, или эквины, – это копытные животные крупнее оленей, на которых можно ездить верхом. Они быстры, величественны и опасны.

– Ты их встречала?

– Нет. Я видела только статуэтки и рисунки.

– Я бы хотел послушать истории, которые тебе известны, – о путешествиях на равнины и о Всадниках ветра.

– Да, Господин. – Она нервно поклонилась. – Сейчас, Господин?

– Нет, не сегодня. Но скоро. Еще я хочу, чтобы ты сочиняла сказания обо мне. Будь наблюдательна, подмечай мельчайшие детали. Когда я обустроюсь в лесу, я буду часто звать тебя и слушать истории о равнинах, Всадниках ветра, а больше всего – о том, как я веду свой народ к победам и процветанию. Справишься ли ты, Сказительница?

Ралина знала, что выбора у нее нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.